

ФРАНЦИЯ

БОЛЬШОЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Большой исторический путеводитель

Алексей Дельнов

**Франция. Большой
исторический путеводитель**

«Алисторус»

2010

Дельнов А. А.

Франция. Большой исторический путеводитель / А. А. Дельнов — «Алисторус», 2010 — (Большой исторический путеводитель)

Миллионы людей в мире мечтают хоть раз в жизни побывать во Франции – ведь она манит, притягивает, влюбляет! Но подождите отправляться в путешествие – вам не помешает сначала узнать много нового, важного и удивительного об этой великой стране. Во Франции достопримечательности располагаются чуть ли не на каждом квадратном метре, почти с каждым закоулком связаны грандиозные исторические события – без нашей книги вы рискуете заблудиться в лабиринте времени и истории страны. Путеводитель по этому лабиринту мы написали иронично и остроумно – его очень легко читать. На страницах путеводителя вас ждут встречи с Цезарем, Карлом Великим, Филиппом Красивым, Людовиком XIV, кардиналом Ришелье, Марией-Антуанеттой, Наполеоном, Жаком Шираком и даже – Николя Саркози. Ну и конечно, со многими другими, кто был причастен к французской истории, похожей на исторический блокбастер и романтическую сагу одновременно.

© Дельнов А. А., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

К читателю	5
Древняя Галлия	7
Праистория	7
Кого застал Цезарь	12
Соседи-германцы	21
Первое завоевание Галлии	25
Великое галльское восстание	32
Начало империи	39
Золотой век империи	43
Натиск варваров. Кризис III века	47
Доминат – твердая власть на пепелище	55
Константин Великий	58
Гибель империи	64
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алексей Алексеевич Дельнов

Франция: большой исторический путеводитель

К читателю

«Ах! Франция! Нет в мире лучше края!» К этому взвизгу душевному грибоедовской барышни с чистой совестью присоединились бы многие поколения русских людей. Конечно же, и нынешнее поколение. Несмотря на то, что, в отличие от нескольких предыдущих, которые полжизни бы отдали, лишь бы хоть на карачках вскарабкаться на Эйфелеву башню – оно может любить вожделенную страну не только платонически. Не только как царство мечты, возведенное на фундаменте из книг, кинофильмов и репродукций. Теперь что – купил путевочку, выправил визу, и, пожалуйста, на randevu. Ну, прямо как в самодержавной России.

Только вот возвращаются люди, переполненные самыми яркими впечатлениями – и заодно с хвастливыми восторгами отпускают всякие шуточки. Типа того, что «Франция, конечно, расчудесна, только если бы там еще и французов не было – совсем бы хорошо». Что такое? Да вот, и буржуазны они чересчур: расчетливы до мелочности, эгоистичны. И к пришедшей публике не очень-то добросердечны, порою раздражительны. Хотя не без достоинств: выпить не дураки, по амурной части – на уровне своей славы, рожи жизнерадостные.

Но, господа-товарищи, есть ведь что и возразить. Во-первых, уж кому-кому, а не нашим в смертных грехах народившимся новорусским загребалам, и тем более не тем, кто у себя дома на них налюбовался, на чужих буржуев квакать. А во-вторых, и в самых главных: если народ соединяет в себе массу самых противоречивых свойств, которые и с плюсом, и с минусом, и с неопределенным знаком – разве это не свидетельство его, по меньшей мере, высокой незаурядности?

Буржуазность? Ее отнюдь не стыдился сам император Наполеон. По собственным признаниям, он и всю свою политику строил в расчете на вящую прибыль отечественной коммерции и промышленности. Но это на словах. А вот летят в порыве безудержной храбрости (тужур!) на огнедышащий вулкан батареи Раевского плотные массы французских кирасир – как летели до этого в десятках других сражений. Сколько их там вернется из этого пекла, многим ли доведется, хотя бы в преклонных годах, натянуть теплый домашний колпак и подсчитывать проценты с ценных бумаг? «Гусар, доживший до тридцати лет, это не гусар, а дерьмо». Этот афоризм изрек маршал Ланн, не постеснявшийся, однако, дожить до сорока – когда ему оторвало ноги австрийским ядром. Его великий начальник тоже любил афоризмы. «Хороший государственный служащий не должен доживать до пенсии». Сам-то он до пенсии дожил – до острова Святой Елены. Хотя враги еще в 1813 году предлагали ему по-хорошему угомониться и мирно сосуществовать в довоенных границах. А он – ни в какуюю.

Не мелочны и не расчетливы были защитники баррикад, моряки дальнего плавания, вспыльчивые дуэлянты – невольники чести с аристократическим тиком... Хотя порою действительно – поглядит по сторонам в спокойную пору в тихом городке путешественник, и признает: нет страны более буржуазной.

Тому же стороннему наблюдателю французы покажутся иногда взбалмошными позерами. «Мне надо сосредоточиться», – они и это произнесут, эффектно рисуясь. Не верится, что вслед за этим можно нырнуть на какую-то душевную глубину. Но чего достигли французские гении вот так вот театрально сосредоточась – надеюсь, рассказывать не надо. Мы же с вами интеллигентные люди...

А возьмите эротизм французов. Какая такая неземной силы, всеобъемлющая любовь светилась, по свидетельствам всех очевидцев, в глазах святой Орлеанской Девственницы Жанны д'Арк – та любовь, что взвела ее на костер? Соглашусь, что это пример слишком высокий. Но представляется, что не запросто, а как-то по-особенному, одухотворенно поднимались из теплых постелей, от сладко посапывающих возлюбленных, Антуан де Сент-Экзюпери и его бесшабашные товарищи-летчики – и усаживались за штурвалы тщедушных почтовых самолетиков. На которых перелететь океан и перевалить через Анды вероятность не больше, чем у маркиза вернуться с дуэли.

Миллионы подобных примеров, из которых следует фундаментальный вывод: в высших своих проявлениях любовь француза сама ищет соседства со смертью. Так повелось с незапамятных времен, когда еще и французов не было, а были галлы (кельты).

«Любовь (имеется в виду сексуальная. – А.Д.) и голод (или жадность. – А.Д.) правят миром». Хорошо сказано (кажется, кем-то из приверженцев психоанализа). Возможно, действительно правят. Значительной частью мира и значительной частью французов. Но не миром и тем более не Францией. Потому что были и те, кто, раздираемые своею противоречивостью, породили несравненную французскую культуру и разыграли великую драму французской истории.

О-ля-ля!

Провинции Франции на празднике «Юманите» (Ж. Эффель)

Древняя Галлия

Праистория

Так кто же они, французы? В прямом смысле – вопрос, конечно, глупый, потому что ответ бездонен, а значит, отсутствует. Но, по крайней мере, откуда они взялись?

Была такая индоевропейская общность народов. Пару десятков тысяч лет назад (может, больше, может, меньше) стала складываться где-то в бескрайних степях и лесостепях Евразии. Где именно – разброс мнений так же широк, как степи – от северного Причерноморья до южных отрогов Гималаев. Но где бы то ни было, у некоей совокупности племен сложился общий язык – праиндоевропейский (лингвистам и историкам удалось реконструировать нечто правдоподобное). Схожие культуры, схожие верования. Не одинаковые, конечно. И о каком-то политическом единении речь не идет, разве что о сосуществовании в близком и тесном соседстве племенных союзов (не без периодического мордобоя между собой, разумеется).

Потом эта общность стала растекаться по белу свету. Кто-то ушел в Индию – позднейшая наука окрестила их индоариями. Кто-то, чтобы далеко не ходить, осел на Иранском нагорье и в его окрестностях (древние иранцы). А значительная часть двинулась на запад, в сторону Европы – с ответвлениями на Кавказ, в Малую Азию, на Ближний Восток.

Впрочем, это было рассредоточение очень предварительное. Потом кого куда только не носило. И общность та превратилась разве что в языковую, в одну из самых крупных языковых семей. Хотя скажи людям попроще, к примеру, из таджиков, армян и датчан, что у них в языке много общего – подумают, что над ними шутят. Уж очень разные были судьбы у индоевропейцев – на марше и на новых местах.

Западный поток можно как-то отследить по письменным источникам других народов. Так что известны имена племен, племенных объединений, а то и государств. Есть и хронологические наметки. К XVIII веку до нашей эры в Восточной Анатолии (ныне – азиатская Турция) стало образовываться Хеттское царство. Освоившись на новом месте, хетты все шире стали расправлять плечи и выше задирать нос – в XIII веке до нашей эры видим их атакующими египетские владения в Сирии, где их с большим трудом сдержал фараон Рамсес II. Но – немного столетий спустя Хеттское царство само сделалось жертвой завоевания. Отличились загадочные «народы моря» – предположительно, сброд со всего Средиземноморья, но стержнем его, скорее всего, были греки (тоже индоевропейцы). Эти надолго закрепились на Ближнем Востоке под именем филистимлян, и Палестина – топонимическая память о них (это будто бы их, согласно Ветхому Завету, крушил ослиной челюстью еврейский командос Самсон). Что удивляться, сброд в определенных обстоятельствах бывает весьма конструктивен. Непотребное разноплеменное скопище основало Рим (чего стоит бандитское «похищение сабинянок» – во время праздника, на который специально зазвали ради такого дела соседнее племя). И, сделав предусмотрительные оговорки, спросим: а что, собственно, такое Соединенные Штаты Америки?

С IX века до нашей эры известно государство Урарту, созданное предками армян – сначала на Армянском нагорье. Потом оно вошло в боевое соприкосновение с Ассирией в Месопотамии и поближе к Средиземноморью (кстати, в средние века Великая Армения простиралась до Ливана включительно).

В XIV веке до нашей эры проявляет себя ахейское (древнегреческое) Микенское царство, а за сотню лет до этого ахейцы проникли на Крит и изрядно подкосили процветающую там прекрасную минойскую цивилизацию – правда, при этом взяли из нее много хорошего.

Наверное, где-то в эти же времена греческие племена (не только ахейские) ушли на Балканы, латинские на Апеннинский полуостров. В Подунавье, в Прикарпатье и в очень широ-

ких их окрестностях, вплоть до Среднего Днепра и Вислы, расположились славяне. Балты, как можно догадаться, взяли курс на восточную Прибалтику (кто дошел – стали предками латышей и литовцев, но дошли не все: оставшие, кто уцелел, были ассимилированы, по большей части славянами).

Рейн, Скандинавия – стали опорными географическими координатами драчливых германцев. И не обидели себя землицей разместившиеся как поблизости от них, так и в дальнем отдалении племена кельтов. Они больше всех интересны для нас, потому что кельты – это в том числе и галлы, а галлы – это этническая основа (субстрат) будущих французов.

Вот в самом общем виде картина расселения индоевропейцев по Европе и Средиземноморью.

* * *

Кельты – это тоже понятие широкое и многообразное. Опять же, множество племен с разными судьбами. Но с родственными языками и культурой.

Ареал их расселения необыкновенно обширен. Британские острова, север и запад Пиренейского полуострова, Галлия (по-нынешнему: Франция, Бельгия, Нидерланды, южная Германия, Швейцария, Северная Италия), Богемия (Чехия), земли по Дунаю (там, где теперь Австрия и Венгрия), Балканы (Болгария).

По ходу истории еще и не туда заносило. В Малую Азию (племя галатов – им адресовал одно из своих посланий апостол Павел. В Турции и сейчас бытует название области Галатия. И команда футбольная есть «Галатасарай»). В Бессарабию, в Прикарпатье (есть даже версия, что «Галиция», «Галич» – от галлов. Но это скорее что-то из разряда раннего оранжевого бреда).

Кельтское изображение быка на камне

Такое глобальное расселение кельтов объясняется во многом тем, что они очень быстро множились и постоянно были заняты поиском плодородных земель. Каждый год наступала «священная весна»: пора, когда юноши-разведчики отправлялись присматривать места для

новых поселений. Переселялись роды, общины, племена – вплоть до Малой Азии, как мы видели.

* * *

Теперь о галлах – о племенах, расположившихся от Пиренеев и южных альпийских предгорий до Рейна. О них сведений не очень много. «Отца истории» Геродота, несравненного информатора о древних народах, увы, тянуло все больше на Восток. У него читаем о египтянах, скифах, персах и прочих, а по интересующему нас вопросу всего лишь: «Кельты же обитают за Геракловыми Столпами по соседству с кинетами, живущими на самом крайнем западе Европы» – это он, надо думать, об иберийских кельтах, о галлах же – вообще ни гугу.

Первая развернутая информация о галлах появляется в связи со знаменитыми событиями IV века до нашей эры, когда «гуси Рим спасли». И где-то тогда же появился этноним «галлы»: от латинского «петухи». Забияки, любители эффектного и яркого.

Подробнее всего можем прочесть об этом у Плутарха, в жизнеописании римского полководца Камилла, который отразил нашествие галлов на свой родной город. Из этих страниц можем почерпнуть много примечательного, в том числе кое-что о довольно продолжительном предшествующем периоде.

Великий историк пишет о галльских племенах, расселившихся между Пиренеями и Альпами, т. е. по средиземноморскому побережью: «Спустя долгое время им удалось в первый раз попробовать вина, привезенного из Италии. Вино так понравилось им, все так обрадовались новости испытанного удовольствия, что вооружились, взяли с собой родных и двинулись по направлению к Альпам, ища землю, которая производит такие плоды. Всякую другую они считали неплодородной и невозделанной».

Далее, что присуще Плутарху, следует довольно анекдотическая, зато занятная подоплека такого разворота событий. Оказывается, вино галлам не без намерения привез этруск Аррунт (Этрурия – в северной Италии), у которого перед этим на родине самым подлым образом отбил жену молодой богач Лукумон. Лукумон был сиротой, жил у Аррунта как у опекуна, и вскоре отблагодарил за все хорошее – завел шашни с его женой. Дошло до того, что любовники не хотели уже соблюдать никаких приличий и ничего не скрывали. Опекун обратился в суд, но, как во всяком цивилизованном обществе (этруски жили именно в таком), очень многое решали деньги. Кончилось тем, что Аррунта же и приговорили к изгнанию.

Тогда несчастный муж устроил галлам помянутое угощение и заодно намекнул, где такой благодати вдоволь. Галлы двинулись в страну этрусков, раскинувшуюся между Альпами и побережьями Адриатического и Тирренского (Этрусского) морей. Страна была сплошным садом, с огромными пастбищами, обильно орошаемая реками. Там были большие города, приспособленные для безбедной, роскошной жизни. Галлы вломились туда, оттеснили прежних хозяев и зажили в свое удовольствие среди вождельных виноградников.

Через какое-то время, то ли расплодившись, то ли еще почему, пришельцы двинулись еще дальше и осадили очередной этрусский город – Клузий. Клузийцы отправили гонцов в Рим, умоляя избавить их от варваров.

Бронзовый кабан

Римские посланники явились в стан осаждающих, попросили объяснить, за что они ополчились на этот город. И тогда галльский вождь Бренн изрек с ухмылочкой знаменательные слова (или это слова самого Плутарха – но все равно они очень содержательны как характеристика эпохи): «Клузийцы обижают нас: они могут обрабатывать только небольшую часть своей земли, но хотят владеть большею. Мы иноземцы, нас много, мы бедны, а они не хотят поделиться с нами. Так и вас, римляне, обижали раньше альбанцы, фиденцы, ардейцы, теперь же обижают вейцы, капенцы и многие из племен фаллисков и вольсков. За это вы объявляете им войну – и если они не уступят вам части своих владений, обращаете в рабство, грабите их землю, разрушаете города.

Но вы не делаете ничего дурного и несправедливого: вы следуете лишь древнейшему из законов, закону, на основании которого собственность слабого принадлежит сильному – начиная от бога и кончая животным. Природа внушила сильнейшему иметь больше, нежели слабейшие. Полноте жалеть осажденных клузийцев, иначе вы научите галлов, в свою очередь, жалеть, сострадать тем, кого обижают римляне».

Дедушка Крылов выразил это более кратко и емко: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Дальнейший разворот событий был быстрым. Римские послы проникли в Клузий, стали ободрять горожан на дальнейшую оборону – ясно было, что миром кончить дело не удастся. Произошла очередная стычка под стенами города, один из послов ввязался в нее, убил знатного галла и снял с него доспехи. Сородичи убитого узнали его, и «казус белли» был исчерпы-

вающий: «римлянин нарушил общие, чтимые всеми людьми права и законы – явился в качестве посла, ведет же себя, как неприятель». Бренн снял осаду с Клузия и повел войско на Рим.

Далее – первое сражение. Римляне разгромлены, галлы идут прямо на их столицу. Защищать город практически некому, жители покидают его. Только небольшой отряд воинов и наиболее патриотично настроенные из граждан укрываются в крепости на вершине высокого и крутого холма Капитолия.

Да еще совершают подвиг седобородые старцы-сенаторы: усаживаются в своих креслах из слоновой кости на Форуме, на ступенях перед зданием Сената. Сидят недвижно, с длинными посохами в руках. Ворвавшиеся в город галлы поначалу опешили: не статуи ли это на самом деле? Но вот один из захватчиков решил наконец – дернул старика за бороду. Тот огрел негодяя посохом, в ответ – смертельный удар меча, и все героические старики были перебиты.

Капитолий осажден наглухо, положение тяжкое, голод. Тем временем римским диктатором избирается опальный (из-за внутренних дрязг) полководец Камилл. Но он требует, чтобы избрание, в соответствии с традицией, подтвердили осажденные на Капитолии: сейчас это единственные полноценные граждане Рима, все остальные – изгнанники.

Одному юноше удастся проникнуть в твердыню по почти отвесной скале, получить требуемое подтверждение и вернуться обратно. Камилл начинает готовить войско.

Но галлы заметили на глинистом склоне холма следы того, что здесь кто-то сумел взобраться. А где вскарабкался один – куда легче будет многим, помогая друг другу. И темной ночью враги безмолвно полезли по круче. Удача: они уже на стенах, а изможденная стража мирно дрыхнет. Но – на Капитолии находились священные гуси из храма Юноны. Гусь и так птица беспокойная, а от голода – тем более (они разделяли общую участь, хорошо еще, что самих не съели – побоялись гнева богини). Птицы загоготали, побежали к налетчикам – может быть, надеясь на подачку. Защитники очнулись, ринулись в бой, галлы полетели вниз. Вослед им – проштрафившийся начальник караула. «Гуси Рим спасли».

Но голод лютый, мочи уже никакой, с внешним миром связи нет. Осажденные начали переговоры о сдаче.

Договорились об огромной контрибуции – тысяче фунтов золота. Стали выносить из крепости сокровища, принялись взвешивать. Галлы сначала жульничали втихую, надавливая на весы. Римляне заметили, возмутились. Тогда Бренн выступил в своем амплуа: отстегнул меч и бросил на чашу с гириями. Осажденные вознегодовали: «Что это значит?» А в ответ – крылатая фраза, обращенная ко всем последующим векам: «Что же другое, как не горе побежденным?!» Но тут, как положено в хорошем фильме, подоспел Камилл со своей ратью (перед этим перебившей большой вражеский отряд, осаждающий город Ардею: галлы перепились на сон грядущий).

Диктатор прекратил процедуру, заявив, что римляне привыкли спасать отечество железом, а не золотом. У Бренна хватило наглости возмутиться на нарушение договора, но последовали битва, славная победа римлян и изгнание пришельцев.

Кого застал Цезарь

Сведения Плутарха, как они ни интересны, мало говорят нам о галлах как таковых: разве что они были воинственны, легкомысленны, любили выпить и у них были вожди со своенравным характером.

Самое полное описание Галлии и галлов дал в середине I века до нашей эры великий ее завоеватель – римский полководец Гай Юлий Цезарь (102—44 годы до нашей эры) в своих «Записках о Галльской войне». Некоторые сведения оставили нам Тацит и другие римские историки – правда, в их годы Галлия была уже нивелированной провинцией империи. Что-то находим у византийских авторов. Много и хорошо поработали археологи. Картина складывается следующая.

Галлия состояла из нескольких явно выраженных частей. Цизальпийскую Галлию – ту, что «по сю сторону Альп» (если смотреть с итальянской колокольни), лежащую на этрусских в прошлом землях, римляне называли еще «Галлия тогата», или «одетая в тогу». Ее обитатели рано попали под власть Рима и были почти полностью романизированы – усвоили латинский язык, восприняли культуру. Они первыми из неиталийцев получили права римского гражданства, со временем знать даже стала избираться в сенат. Правда, сказать, что здесь полностью переняли римские обычаи, римский образ жизни, нельзя – что-то от исконного племенного уклада сохранялось. Тем не менее «галлы, одетые в тогу», по большому счету, вне римской державы себя не мыслили. Их знать, копируя рабовладельческие повадки римских патрициев, видела в этом свидетельство своего подлинного величия, а не «утрату национального достоинства».

Нарбоннская Галлия (юг и юго-восток нынешней Франции) тоже шла по пути романизации, но ко времени Цезаря продвинулась по нему не так далеко: она попала в зависимость от Рима незадолго до начала Галльской войны. А когда попала, стала называться Провинцией (отсюда происходит «Прованс»).

Наконец, Трансальпийская (Заальпийская) Галлия, или «Галлия косматая», «Галлия, одетая в штаны». Та Галлия, что до середины I века до нашей эры гуляла сама по себе. Это почти вся современная Франция, Бельгия, часть Голландии, Швейцарии, левый берег Рейна. В ней, в свою очередь, различали несколько частей. Юго-Западная, между Пиренеями и рекой Гаронной, была населена племенем аквитанов (почему и известна до сих пор как историческая область Аквитания). Аквитаны были не чистыми кельтами, они изрядно смешались с уроженцами автохтонных иберийских племен (исконно проживавшими здесь неиндоевропейцами). Центральную часть занимали чистокровные галльские племена. На востоке, где сейчас приальпийские кантоны Швейцарии, жили гельветы – как и аквитаны, вобравшие в себя кровь древних местных народов. На севере, между Секваной (Сеной) и Рейном стационарным боевым лагерем расположились племена белгов. Они вели непрекращающуюся войну с зарейнскими германцами.

С германцами в теснейшем контакте находились и многие другие племена, особенно на севере и востоке Галлии. С одной стороны, это были беспокойные соседи, да и галлы зачастую были не прочь их побеспокоить. Но, с другой стороны, существовали и более конструктивные взаимовлияния – политические, экономические, культурные, религиозные, родственные, наконец. Так что давно отмечено значительное сходство жизненного уклада германских и галльских племен. Насчет белгов до сих пор ведутся споры, кто они в большей степени – германцы или кельты. А нацистские измерители черепов установили, что у обитателей северной Франции более выраженные нордические черты, чем у немцев.

Влияние античной цивилизации этрусками и Римом не ограничивалось. С давних пор (около 600 года до нашей эры) в Галлии обосновалась греческая колония Массилия (современ-

ный Марсель). Долгое время поддерживались отношения с Карфагеном: этот могучий финикийский город-государство имел владения на Сицилии и на Пиренейском полуострове (но к концу III века до нашей эры был повержен Римом).

Многообразны были связи с родственными кельтскими племенами, особенно теми, что за Ла-Маншем – на Британских островах. Самого высокого уровня культуры достигли тогда ирландцы.

* * *

Во времена Цезаря галльское общество было уже резко неоднородным. Вот что читаем в его «Записках»: «Во всей Галлии существуют вообще только два класса людей, которые пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держится на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какие собрания. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдается в рабство знатным, которые имеют над ними все права господ над рабами. Вышеупомянутые два высших класса – это друиды и всадники».

Всадники – племенная верхушка, представители сильных родов. Те, кто мог позволить себе воевать на коне (по этому признаку выделялась знать многих народов. Впрочем, галльская кавалерия хоть и использовалась впоследствии в римской армии, но ставилась ниже германской, тем более фессалийской и сирийской).

Из этих аристократов образовывались советы старейшин, выдвигались племенные и военные вожди. Это были вроде бы и выборные должности, но интриги, закулисная, а то и силовая борьба при избрании были не менее острыми, чем в Риме в худшие времена. Каждый всадник был окружен свитой зависимых от него амбактов (по римским понятиям – клиентов) и рабов. Они и были одним из главных орудий борьбы за влияние и власть.

Правда, Цезарь, возможно, несколько сгустил степень отчуждения социальных слоев, на самом деле их отношения были более патриархальными – что, как правило, наблюдается в сообществах, недалеко ушедших от родоплеменных. Но чисто формально римский клиент, к примеру, отличался от своего галльского собрата тем, что не только сам принимал обязательства по отношению к господину, но и тот отвечал ему тем же. Обедневший же галл поступал в услужение без всяких договорных условий – на его стороне могло быть только обычное право.

* * *

Мы видим, что заносчивость и задиристость «петухов»-галлов были отмечены римлянами уже при первой серьезной встрече. Позднее и греки, и римляне отмечали их как черту национального характера: галлы «страшно сварливы». Сцепятся, к примеру, два соседа, и тут же, глядишь, в схватку вступают и жены. «Которые сильнее их и голубоглазы... целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнут они наносить удары не слабее ударов катапульты... Голос у большинства звучит резко и угрожающе, спокойно ли они говорят или сердятся».

Галльская знать, следуя своему темпераменту, постоянно вела междоусобные стычки: это было образом жизни аристократов. Уметь биться и достойно встречать опасность и гибель считалось высшей доблестью. И с боем взять у соседа то, что нравится, – тоже.

Со временем знатные господа для набегов и обороны перестали ограничиваться услугами своих вооруженных клиентов – те большую часть времени были заняты по хозяйству, а потому войсками были неважными. Стали обзаводиться постоянными дружинами, члены которых тоже становились своего рода знатью.

В таких условиях народное собрание простых общинников мало что могло значить: оно сходилось все больше для проформы, потому что «так повелось». В основном все заранее решали советы знатных людей. На них им худо-бедно приходилось договариваться и по поводу своих усобиц. Хотя бы потому, что для выяснения внешнеполитических отношений требовались совместные действия: межобщинные, межплеменные, а то и более глобальные столкновения происходили постоянно.

Галльский лучник (бронза)

Такие условия существования определяли характер галльских сельских поселений. Археологи часто находят группу строений, окруженных дубовой стеной и валом – это было жилище местного сильного человека и его присных. Здесь же могло укрыться все окрестное население со своим скотом. Случалось, что крестьянские поселения, разрастаясь, сами обзаводились стенами – становились тем, что спустя века получит название «бургов». Но было еще

и довольно много свободных землепашцев и скотоводов, живших обособленными «большими семьями».

Удивительно, что при таком уровне конфликтности Галлия была высокоразвитой страной, богатой и густонаселенной. В ней проживало, по разным оценкам, от 15 до 20 млн. человек – плотность населения была близка к итальянской. Хотя велики были различия между отдельными племенами – как в материальной культуре, так и в общественном устройстве. При этом не следует преувеличивать римское или греческое влияние. Галлы и сами достигли многого, так что некоторые прирейнские племена могли быть более «продвинутыми», чем те, что поближе к Средиземноморью.

Сельское хозяйство во многих отношениях даже превосходило итальянское. Галлам были знакомы колесный плуг, коса, жнейка. Наиболее ценными домашними животными (помимо коня, разумеется) у них считались свиньи. Свинопасы были в почете, ими были даже всеми почитаемые герои эпоса. И в цене были дубовые рощи – в них хрюшки нагуливали на желудях сало.

* * *

Главными центрами общественной, культурной и экономической жизни племен были оппидумы – города, крупнейшие из которых занимали площадь в несколько квадратных километров. Их окружали мощные «галльские стены» – сложные конструкции из толстых деревянных балок, скрепленных длинными железными гвоздями.

Дунум состоял обычно из нескольких кварталов, разделенных улицами. Отдельно жили мастера по металлу – кузнецы и литейщики. Владение металлом было у галлов на высочайшем уровне, они давно были знакомы с железом и добывали его в рудниках. Мы и о галльском изобразительном искусстве судим по неплохо сохранившимся до наших дней металлическим изделиям. Зачастую они изукрашены сложными узорами, из которых возникают не то люди, не то фантастические существа; или более реальные, но тоже замысловато стилизованные звери. Люди – пучеглазые, удивленно вззирающие, иногда с завывающими в огромные кольца невероятными усами.

Для нужд металлистов были устроены специальные подземные водоводы. Мастерские, построенные из бревен и глины, были заглублены, дверь выходила на улицу – изделия продавались по месту их появления на свет.

В других кварталах жили ювелиры, стекольщики, гончары. Мастера по дереву строили большие и малые суда, изготавливали разного рода повозки, искусно владели бочарным ремеслом. Кожа, текстиль – все это с успехом производилось и выделялось в Галлии.

В особом «рыночном» квартале велась оживленная торговля – как внутренняя, так и внешняя: с Массилией, Карфагеном, этрусками, Римом. Было уже развито денежное обращение (хотя единой общегалльской монеты не было).

Отдельно располагались городские усадьбы богатых и знатных галлов – большие дома из дерева и камня, в которых могло быть до тридцати комнат с крытым двором в центре. Если простые горожане жили большей частью под соломенной крышей, то кто посостоятельнее могли позволить себе римскую черепицу.

Племенным центром племени паризиев была Лютеция на Секване (Сене) – думаю, не надо объяснять, во что этот оппидум со временем разросся.

* * *

Особая статья и предмет особого интереса еще одно правящее сословие – друиды. Жрецы, на которых почти полностью держалась религиозная жизнь галлов, носители и творцы

духовной культуры и в то же время люди, обладающие огромным социально-политическим влиянием.

Слово Цезарю: «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии. К ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно: они выносят приговоры по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах – решают друиды. Они же назначают награды и наказания, и если кто – будет ли это частный человек или же целый народ – не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают вести разговоры с ним, чтобы не нажить беды, точно от заразного...

Во главе всех друидов стоит один, который пользуется величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием...

Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательно с нею познакомиться, отправляются туда же для ее изучения».

Друиды были, как видим, цементирующей силой всего галльского общества, именно благодаря им поддерживалось чувство «галльского единства». Каждый год они собирались в одном из священных мест. Обычно это была дубовая роща в области племени карнаутов – поэтому считалось, что там находится как бы центр Галлии. После тайных обрядов и жертвоприношений, в том числе и человеческих, решались вопросы как духовные, так и вполне земные – по любому вопросу как межплеменной, так и частной жизни. Любой галл мог обратиться со своими нуждами к верховному собранию друидов.

Друиды были советчиками, предсказателями, толкователями снов, врачевателями. Они могли предотвратить кровопролитие, встав между двух изготовившихся к битве яростных воинств.

Особая сила друидов была в том, что многие из них жили среди прочих людей. Имели свой дом, семью, могли даже отправляться на войну как простые воины. Такие жрецы были во всех общинах.

Бог неба Таранис

Принадлежность к друидам не была наследственной. «Лучшие юноши народа» готовились к жреческому поприщу путем длительного обучения. Знания свои друиды никогда не записывали, а передавали их только в устной, скорее всего поэтической форме – отчего обучение растягивалось иногда на 20 лет. Ученики жили со своими наставниками уединенно – в пещерах, в лесных чащах.

Что касается науки друидов, то в древности бытовало мнение, что главная мудрость перешла к ним от Пифагора и его последователей. Все может быть, хотя это довольно сомнительно. Однако аналогии провести можно. Вспомним, что пифагоризм – это в первую очередь мистика чисел. Числовые соотношения – источник гармонии космоса, одним из проявлений которой является и музыкальная гармония («пифагоров строй»). В религиозных обрядах кельтов большое значение придавалось музыкальному сопровождению (любимым инструментом была арфа). Вера в бессмертие души – основа галльской религии. Эту веру особенно стара-

тельно внушали друиды своим ученикам – чтобы те, в свою очередь, укрепили ее во всем галльском народе. Хотя бы для того, чтобы воины шли в бой, не боясь смерти.

Где-то за океаном, далеко на западе, на закате солнца раскинулись таинственные «острова блаженных» – Эмайн-маха. Там среди прекрасных деревьев и цветов, среди журчащих чистейших ручьев ведут безбедное существование души усопших – тех, кто оказался достойным этого. Там вечный пир, там прекрасная музыка... Могут попасть туда, – и даже вернуться оттуда обратно, – и живые, как это случилось с героем ирландского предания Бранном. Плыл и плыл на запад, и приплыл. Может быть, ему так понравилось в Америке? Или не очень – раз вернулся?

Вера в бессмертие души была так велика, что люди давали деньги займы с условием, что в случае чего долг будет возвращен в загробном мире.

* * *

Плиний (I век нашей эры) оставил нам эффектное описание одного религиозного обряда: друиды при лунном свете, в белых одеяниях срезают с дуба омелу и заворачивают ее в специальную ткань – для приготовления волшебного целебного напитка.

Можно усмотреть в этих священнодействиях нечто глубококоммысленно-символическое (эзотерическое), но вообще-то омела наделялась магическими свойствами у многих народов еще с первобытных времен. Это полупаразитарный кустарник, обретающийся обычно на стволах деревьев. Было распространено поверье, что омела зарождается от удара молнии в ствол дуба.

Многие обряды были кровавыми. Люди, тяжело больные или собирающиеся на войну, приносили или давали обет принести человеческую жертву – ибо были уверены, что у богов можно вымолить жизнь только в обмен на другую жизнь. Исполнением заведовали, разумеется, друиды.

Особенно могли ужаснуть стороннего наблюдателя общественные жертвоприношения. Некоторые племена сплетали из толстых прутьев огромные корзины в форме человеческого тела, наполняли их живыми людьми и поджигали. Наиболее благочестивым деянием считалось принести в жертву воров, грабителей и прочих преступников, но если таковых недоставало, на заклятие обрекались ни в чем не повинные люди.

Когда, в случае чрезвычайной внешней угрозы, объявлялся межплеменной военный сбор – воин, явившийся последним, подвергался страшным пыткам, а потом предавался не менее мучительной казни.

Мрачновато и то, что время галлы исчисляли не по дням, а по ночам. Объяснить это можно тем, что, согласно учению друидов, все галлы – потомки бога подземного царства.

В каких богов верили галлы – с определенностью сказать трудно. Цезарь приводит их имена, но употребляет при этом римские аналогии. Бога войны он называет, конечно же, Марсом. Ему в случае победы приносили в жертву «все, захваченное живьем». Понимайте, как хотите – Цезарь не уточняет. В его же честь в одно священное место сносили все трофеи, так что у некоторых племен скапливались целые горы этого скарба. Если кто-то пытался утаить что-либо – его ждала страшная смерть. Тот, кого Цезарь называет Меркурием – изобретатель всех искусств, он же проводник в путешествиях, помощник в торговле и прочей наживе денег. Юпитер обладает верховной властью над небожителями, Аполлон исцеляет от болезней, Минерва обучает ремеслам.

Сложность для историков в том, что галлы со временем романизировались, переняли римскую культуру и в первую очередь верховных римских божеств. Много значила еще и целенаправленная деятельность римской администрации, начиная с Цезаря. Во время завоевательной войны великий полководец всячески поддерживал друидов – в пике военному

сословию всадников. Но потом симпатии круто переменялись: всадники стали местной знатью, которую надо было романизировать в первую очередь, привить ей понятия Римского права и привлечь к управлению – как людей сведущих, известных местному населению и которых вообще стоило всячески прикармливать, чтобы они не дай бог не сорвались с поводка. А друиды стали не кем иным, как носителями национальной веры, традиций, менталитета – всего того, о чем новым римским подданным неплохо бы вспоминать пореже, а совсем хорошо – вовсе позабыть. Так что дни друидов были сочтены, и только романтики XIX века в своей всемирной тоске вновь стали грезить жрецами в белых одеяниях, священнодействующих в призрачном лунном свете с ветками омелы.

Но сохранились прекрасные памятники ирландской литературы. Аналогии между содержащимися в них мифами и эпическими повествованиями и тем, во что верили галльские друиды, можно проводить смело. Однако это предмет отдельного интереснейшего рассказа. Отметим только, что от кельтских преданий веет каким-то захватывающим, но непонятным нам духом, какой-то инаковостью. Воины без видимой причины заезжают в известковые холмы – сиды, и до сих пор оттуда не выехали. Герой собирается поутру подвергнуть пленника ритуальным смертным мучениям, а всю ночь напролет они ведут увлекательную (для обоих!) беседу. Другой доблестный персонаж ждет у себя в доме приближения врагов, которые, как ему предсказано, убьют его – и с интересом расспрашивает ясновидящего, кто они такие, как вооружены и во что одеты.

Здесь чувствуется общая с германцами вера в то, что над человеком довлеет рок. Противостоять ему бесполезно, и тщетно молить о пощаде эту страшную силу. Но высшая свобода человека – в том, чтобы все равно действовать по своей воле, бесстрашно идти в безнадежный бой – самоутверждаясь собственной гибелью... Страшновато, конечно. У нас, у русских, тоже не без того: в сладко-печальную минуту, бывает, вырвется: «что на роду написано...» Но все-таки в глубине души мы в рок не верим. Нашего Бога надо бояться, но Он вообще-то добрый, Его и упросить можно. А то и «авось, Бог не заметит» – это когда сделали или собираемся сделать, чего не надо бы.

Эротика в кельтских преданиях тоже хватает. Те же Тристан и Изольда, всякие там происшествия с королем Артуром, его родней и его дружинниками. Или такой вот сюжет: приближается герой Кухулин к одному селению, жители которого имеют основания полагать, что он сердит на них. Тогда они выводят ему навстречу за околицу обнаженных девушек – герой прыгает в бочку с водой, и вода мгновенно выкипает. Ну, чем не француз?

* * *

Что касается семейных обычаев галлов – в них тоже, как и в религии, обнаруживаем следы того, что принято относить к первобытной дикости. Отцы не позволяли сыновьям до достижения ими воинской зрелости даже приближаться к себе при народе. Женщины обладали некоторыми имущественными правами – к тому приданому, что жена приносила в дом мужа, он обязан был присоединить равноценное из своего имущества, и это было их общим капиталом. Кто кого переживал, тот становился владельцем всего. Но мужья имели над женами, как и над детьми, право жизни и смерти. Если же после внезапной смерти мужчины у его родственников возникали какие-то подозрения, они подвергали вдову пыткам, дознаваясь – не она ли тому причиной. Если женщина сознавалась – ее ждали новые пытки, а потом сожжение.

На похороны галлы не скупилась. Все, что было мило покойнику при жизни, отправлялось в его погребальной костер – включая животных. Да что там животные – рабы и клиенты знатного человека, если признавалось, что они ему были по-настоящему дороги, отправлялись туда же.

А вот интересный закон из области охраны общественного порядка. Если кто-то узнал нечто, затрагивающее интересы общины (неважно, при каких обстоятельствах: подслушал, сплетня пошла, дружок сболтнул спьяну) – то обязан был немедленно донести об этом старейшинам, самому же накрепко держать язык за зубами. Начальству виднее, что предпринять, а смуту в народе сеять не надо.

Соседи-германцы

Стоит поговорить и о них. И потому, что они жили рядом с галлами, и потому, что в жилах современных французов течет и их кровь. В некоторых департаментах неизвестно, чьей больше. А если отстраниться от такой расовой абстракции, как кровь, то вспомним раньше времени, что раннесредневековая французская аристократия (и вообще воинское сословие) состояла в большинстве своем из германцев-франков, и их влияние на культуру, на весь жизненный уклад будущей французской нации огромно. Кстати, обратим внимание на самих себя: нос картошкой – это черта не славянская, а финская. Значительная часть русских людей живет на землях финских племен, которые не сквозь землю провалились, а стали важнейшей компонентой этногенеза великорусской народности.

О древних германцах больше всего писали все тот же Юлий Цезарь и особенно Тацит (58—117 гг.). Говоря об их религии, Тацит особенно отмечает ее простоту: нет такого сплоченного жреческого сословия, как галльские друиды, отсутствуют изображения богов. Но вот захватывающее сообщение: германцы почитали в своих священных рощах «нечто тайное, видимое только их религиозному чувству». Тацит обратил внимание на большую роль мантики (гадания) в религии германцев. Так, когда племя задумает набег, жрецы выводят из заповедной рощи священных коней, запряженных в «божьи колесницы», и по их ржанию и по тому, как они трясут гривой, определяют, будет ли удача.

К сожалению, античные авторы не были знакомы с пантеоном германских богов, которых мы знаем по Старшей и Младшей Эддам. Тацит, как и Цезарь в случае с галльской религией, проводит только аналогии с римскими божествами. Но интересно его свидетельство, что на одном из островов моря (скорее всего, Рюгене на Балтике) почитается Мать-Земля. Мы же не будем здесь останавливаться на захватывающей дух мифологии, включающей многие сотни персонажей, от верховного бога Одина до коварного карлика Мирме.

* * *

Особое внимание авторы уделяют социальному укладу германцев, их обычаям. Цезаря привлекает строгость их нравов, «неиспорченность» цивилизацией. По его словам, когда-то галлы превосходили германцев воинской доблестью, побеждали их, захватывали земли за Рейном. Но германцы, оставшись верными прежней простоте своего уклада, сохранили и свои боевые качества, в то время как их недруги морально разложились, переняв у римлян склонность к роскоши и прочим излишествам нехорошим. Германцы стали сильнее: их превосходство стали признавать и сами галлы (не все, конечно – явно не белги и не гельветы).

Описание внешности и физических данных германцев, приведенное Тацитом, довольно нелестно: «Свирепые голубые глаза, русые волосы, большой рот, причем тела их обладают только силой для нападения, но у них нет сил для перенесения тягости и трудов (имеется в виду военная служба. – А.Д.), и всего менее они переносят жажду и жару. К голоду же и холоду они привыкли благодаря климату и почве». Касательно последнего утверждения, можно привести и такое суждение уроженца благословенного Средиземноморья: «Кто станет стремиться в Германию, в страну невзрачную, с суровым климатом, неприятную для обитания и на вид, если только она ему не родина?» (его бы куда посееверо-восточней, сами понимаете, куда – он бы понял, что такое родину любить).

Тацит указывает и на некоторые другие недостатки, свойственные германцам – поскольку они варвары, а не представители цивилизованных народов: слабую дисциплинированность, отсутствие способности к концентрации энергии и трудолюбия. Надо же, те самые параметры, по которым мы сами ставим себя безнадежно ниже нынешних немцев – да и сегодняшним ита-

льянцам до них далековато. Цезарь, кстати, подобным же Тациту образом отозвался о галлах: «Насколько галлы смело и решительно готовы начинать любые войны, настолько они слабохарактерны и нестойки в перенесении неудач и поражений». Да, учиться и учиться еще было варварам. Благо и учителя нашлись (которым через пару-тройку столетий от учеников ох как не поздоровится).

Общественное устройство германцев, по Цезарю, весьма несложно. Существуют советы старейшин родов, но в мирное время у племени нет даже полновластного вождя. Однако в случае войны избирались предводители, имеющие право жизни и смерти над своими подчиненными (трусов, к примеру, обычно вешали на деревьях).

Основная пища – молоко, сыр, мясо. Германцы предпочитали скотоводство и охоту, земледелием занимались мало и неохотно. Не было и частной собственности на землю: старейшины наделяли землей отдельные роды или сообщество родов. Кому сколько захочется, земли много – но каждый год осуществлялся передел. Причин для этого, по мнению Цезаря, несколько. Главная – «чтобы в увлечении оседлой жизнью люди не променяли интереса к войне на занятия земледелием». А еще – «чтобы не стремились к приобретению обширных имений и люди сильные не выгоняли бы слабых из их владений... Чтобы не нарождалась у них жадность к деньгам, благодаря которой возникают партии и раздоры». И: «Наконец, это лучшее средство управлять народом путем укрепления в нем довольства, раз каждый видит, что в имущественном отношении он не уступает людям самым сильным».

* * *

Самое подходящее мужчине занятие – это война. В текущем году идет на организованный разбой, в набег на соседнее племя одна половина общины, другая остается на земле. На следующий год меняются ролями. Для общины честь, если вокруг ее территории не осталось иноплеменников – все разбежались куда подальше. Да оно и безопасней: не надо опасаться неожиданного вражеского нападения (возможно, такие взгляды на жизнь затвердились в германском менталитете с очень-очень древних кочевых индоевропейских времен. Ведь и многие сегодняшние кочевники приходят в беспокойство, настраиваются на агрессивный лад, как только завидят на горизонте чужие костры. Однако тут же заметим, что оскорбить гостя у германцев считалось величайшим грехом).

Частная инициатива для организации военной акции реализуется очень просто. Цезарь: «Когда какой-нибудь князь предлагает себя в народном собрании в вожди и вызывает желающих за ним последовать, тогда поднимаются все, кто сочувствует предприятию и личности вождя, и при одобрениях народной массы обещают свою помощь. Но тем из них, кто на самом деле не пойдет, после этого ни в чем не верят».

Вот почему на земле трудятся в основном женщины и те, кто поплоче, а чем доблестней воин, тем большая у него в мирное время склонность к праздности. Он не в своей тарелке, ему бы в поход...

Так что все заботы по дому и хозяйству – преимущественно на женщинах. Это весьма нравится Тациту, которому не по душе распушенность его соотечественниц-римлянок. У него сложилось впечатление, что постоянно пребывающие в трудах германские женщины ведут жизнь целомудренную, они не развращены ни забавами, ни зрелищами, ни пирами, заводят интрижку – у них и в уме нет.

Но – от мужского нерадения земля обрабатывается небрежно, агрокультура примитивна и нет никакого стремления к ее усовершенствованию.

Зато германец с малолетства приучается к суровой жизни. «Чем дольше молодые люди соблюдают целомудрие, тем больше им славы у своих: по их мнению, это увеличивает рост и укрепляет силу; познать до двадцатилетнего возраста женщину считается величайшим позо-

ром. Однако оба пола вместе купаются в реках и одеваются в шкуры или небольшие меха, которые оставляют значительную часть тела голой» (Цезарь).

* * *

Статус женщины довольно высок. Германцы полагали, что женщины наделены даром пророчества и не пренебрегали их советами. История донесла до нас имена прорицательниц Веледы и Альбруны, которых почитали как божеств, но и многие другие удостоивались подобных почестей.

Во время больших завоевательных походов, в которые отправлялось все племя целиком, мужчины больше всего опасались пленения своих жен и сестер. Во время битв бывали случаи: когда строй начинал колебаться, женщины принимались громко молить воинов, выставив обнаженную грудь, – мол, не допусти, чтобы это досталось врагу, – и ход сражения круто менялся.

У Плутарха имеется описание первого крупного столкновения римлян с германцами, когда в конце II века до нашей эры племена тевтонов и кимбров, огнем и мечом пройдя сквозь Галлию, нагрянули на италийские земли. Им преградил дорогу полководец Марий, и вот что увидело римское войско: «Конница, числом до пятнадцати тысяч, выехала во всем своем блеске, в шлемах в виде страшных, чудовищных звериных морд с разинутыми пастьями, над которыми поднимались султаны из перьев. Отчего еще выше казались всадники, одетые в железные панцири и державшие сверкающие белые щиты».

Однако в решающей битве римляне переломили эту страшную силу. «Самая воинственная часть врагов погибла на месте, ибо сражавшиеся в первых рядах, чтобы не разрывать строя, были связаны друг с другом длинными цепями, прикрепленным и к нижней части панциря.

Римляне, которые, преследуя варваров, достигли вражеского лагеря, увидели там страшное зрелище: женщины в черных одеждах стояли на повозках и убивали беглецов – кто мужа, кто брата, кто отца, потом собственными руками душили маленьких детей, бросали их под колеса или под копыта лошадей и закалывались сами. Рассказывают, что одна из них повесилась на дышле, привязав к щиколоткам петли и повесив на них своих детей».

Примем в соображение: в том мире обращение человека в рабство было для него несчастьем силы просто мистической. Он переходил в новое, презренное качество – даже в глазах соплеменников и родных. А вся процедура-то: дернуть пленника за руку, будто уводя его за собой. Но это было «ударом божественной судьбы» – прежним человек не мог стать, даже в случае избавления.

* * *

После этих ужасов давайте лучше обратим внимание на динамику германского общества, которую можно проследить благодаря тому, что труд Тацита «Германия» был написан полтора столетия спустя после «Записок» Цезаря.

Выраженной государственной власти как не было, так нет. По-прежнему считающаяся высшим органом власти общая сходка воинов проходит под председательством верховного жреца. Право высказаться имеют все – у вождей нет преимущества. Но, и очень большое «но»: накануне этой общей сходки собирается совет вождей и знатных людей и в конфиденциальной обстановке обсуждает все дела (как мы это уже видели у галлов). На общий суд выносятся проекты уже готовых решений, и простонародью остается только вынести свой вердикт – «за» или «против» – нечленораздельными криками и стуком копий о щиты.

На политическую арену выдвинулись люди богатые и знатные, владельцы большого числа рабов. О наличии знати говорил еще Цезарь, но как-то неопределенно. Образовалась совокуп-

ность знатных родов, из их среды и выходят старейшины и военные вожди. Вождем мог стать даже знатный юноша – благодаря заслугам своих предков. Вождей еще избирали на народном собрании всего племени, но круг выбора был очень ограничен.

Появились племена с фактически монархической формой управления, где вожди превращались в ранних королей: они избирались из одной знатной семьи. Так, у маркоманнов такие вожди обязательно были из рода Маробода, у херусков – из того рода, к которому принадлежал знаменитый Арминий, истребивший в 9 году нашей эры три римских легиона в битве в Тевтобургском лесу. Тацит рассказывает, что однажды херуски оказались в большом затруднении: остался лишь один представитель начальственного рода, да и тот давно уже проживал в Риме и вполне там освоился. Делать нечего – избрали его.

Вокруг вождей складывается знать качественно нового типа. Те, кто стал дружинником вождя, заслужив полное его доверие. Они могли быть выходцами из любого племени – главное, что они смогли отличиться и дали своему предводителю клятву на верность. Они окружали его в бою: гибель вождя – позор для всей дружины. В мирное время это была его почетная свита.

Так появляются харизматические лидеры, так получает дальнейшее развитие индивидуальное начало в человеке: дружинник служит не роду-племени, а яркой личности. Здесь истоки западноевропейского рыцарства и богатырей Владимира Красного Солнышка, истоки богатейшей дружинной культуры, истоки понятия аристократической чести.

А пока эти гвардейцы, как и другие знатные германцы, свободные от войны дни и ночи проводят в попойках. «Обычные, как всегда среди пьяных, ссоры редко кончаются перебранкой, чаще ранами и убийством. Но зато и о примирении врагов, и о заключении родственных связей, и об избрании вождей, наконец, о войне и мире в большинстве случаев совещаются на пирах».

Первое завоевание Галлии

Главный герой следующих двух глав – все тот же Юлий Цезарь. Человек, на полтысячелетия накрепко пристегнувший судьбу Галлии к судьбе Рима – да и римскую судьбу повернувший очень круто.

К середине I века до нашей эры Вечный город уже несколько десятилетий кипел в гражданских смутах. В условиях всеобщего падения нравов, прогрессирующего развития эгоизма и цинизма правящей верхушки (тогдашние патриции все меньше походили на статуи прежних слуг народа) – республиканский порядок стал превращаться в олигархический беспредел.

Тон в начале столетия задали Марий и Сулла – два талантливых полководца. Первый в политике предпочитал нравиться плебеям, второй – аристократам. В этом они различались, но сходились в другом – главной их опорой в схватке за диктаторскую власть были не плебеи, не аристократы, а собственные легионы. Кто на текущий момент брал верх – устраивал резню своих противников из числа столичной знати.

В конце концов победил Сулла (в 82 году до нашей эры). Перед тем, как он штурмом взял Рим, марианцы (ими предводительствовал сын недавно умершего Гая Мария) перебили большинство уцелевших сторонников победителя.

Сулла, разумеется, не мог не отплатить той же монетой (да он, думается, обошелся бы и без всякого предлога). Стали составляться проскрипционные списки – кого из недругов ликвидировать. И вот тут карьера Гая Юлия Цезаря, совсем еще молодого человека (ему было около двадцати) из старинной патрицианской фамилии (родословную которой возводили аж к троянцу Энею), могла прерваться в самом зародыше. Сулла потребовал, чтобы он развелся с горячо любимой им Клодией – дочерью заклятого врага диктатора. Юлий наотрез отказался – и сразу же оказался в страшном списке.

На свое счастье, он успел скрыться, а тем временем за него просили и влиятельная родня, и даже весталки. Сулла наконец смягчился, подумал – и вычеркнул одно из славнейших в мировой истории имен. Только слегка усмехнулся: «Вы еще об этом пожалеете».

А еще раньше Цезарю довелось попасть в плен к киликийским пиратам – когда он изучал ораторское искусство на Родосе. Те потребовали за него огромный выкуп. В ожидании вызволения Юлий вел себя с похитителями крайне надменно, читал им свои стихи и требовал выкуп. Обзывал невежественными варварами и обещал всех распять, как только освободится. Разбойники от души хохотали над потешным юнцом. Наконец, деньги получены, Юлий сразу нанимает боевые корабли, обидчики изловлены – и распяты.

* * *

Перейдем сразу к тому, что в 60 году до нашей эры в Риме образовался правящий триумвират пока еще не совсем формальных лидеров: Красса (в свое время сторонника Суллы, нажившегося на казнях и отличившегося подавлением восстания Спартака), Помпея (тоже начинал как сторонник Суллы и тоже приложил руку к разгрому Спартака) и Цезаря. Не будем пока заострять внимание на том, что в триумvirатах такого рода всегда двое лишних. Нам важнее то, что Гай Юлий Цезарь, отбыв срок на консульской должности, в 58 году до нашей эры по соглашению с коллегами стал проконсулом Провинции (Нарбоннской Галлии).

* * *

На месте его сразу же ждали серьезные проблемы. Неожиданно пришло в движение племя гельветов, обитавшее до того в западной части современной Швейцарии. Племя многочисленное и воинственное, поднаторевшее в непрерывной борьбе с зарейнскими германцами. Что их заставило подняться с обжитых мест – не ясно, но они сожгли вдруг свои дома и посевы, уничтожили все припасы, – кроме тех, что взяли с собой, – и отправились в дальний путь через всю Галлию, к приглянувшемуся им устью Гарумны (Гаронны), впадающей в Атлантический океан.

Гельветы направили к Цезарю послов, прося разрешения пройти через Провинцию. Тот сразу же проявил свои дипломатические способности. Попросил отсрочку, чтобы подумать, а думать долго не стал. В ускоренном темпе был сооружен 19-мильный вал со рвами, перегордивший гельветам путь. Явившиеся в оговоренный срок послы получили решительный отказ.

Пришельцы попытались было прорваться, но сразу поняли, что это дело пустое. У них оставался один путь – в обход Провинции, через земли племени секванов. Вроде бы непосредственно римские интересы это не затрагивало: секваны проживали в «косматой» Галлии, а потому все происходящее становилось делом сугубо внутригалльским.

Гай Юлий Цезарь

Но Цезарь так не думал. Кто знает, куда повернет 300-тысячная косматая толпа, в которой, помимо женщин и детей, 90 тысяч способных носить оружие мужчин – способность эту

доказавших не раз? И была довольно свежая историческая память: в 107 году до нашей эры гельветы, примкнув к нашествию германцев, разбили одну из римских армий.

Проконсул стал собирать наличные силы, организовал ускоренный набор еще двух легионов. Гельветы тем временем стали разорять область эдуев – племени, традиционно дружественного Риму, а затем и других окрестных племен. Обиженные отправили к Цезарю послов, прося о помощи и защите.

Цезарь застиг значительную часть гельветов, когда те переправлялись через реку. Сначала разгромил тех, кто успел перебраться, потом сам форсировал преграду и добил остальных. После победы собрал на совещание эдуев. Раскрыл измену в их рядах: оказалось, один из их вождей вел двойную игру. Цезарь его простил, но дал понять, что милость его не безгранична. Потребовал обеспечить армию продовольствием, и эдуи согласились.

Римляне направились к богатому городу Бибракте, где хранились большие запасы. Но гельветы приблизились вплотную, явно готовя нападение. Перед римским полководцем оказалось войско, намного превосходящее его армию числом и не уступающее в вооружении. Но он принял вызов. Перед битвой Цезарь приказал увести своего коня и коней всех командиров – думать об отступлении, тем более о бегстве теперь не приходилось. И римляне, упорно сражаясь и умело маневрируя, одержали полную победу.

Уцелевшие гельветы прислали послов, изъявив полную покорность. Цезарь потребовал выдать ему заложников из числа знати (распространенная практика того времени), разоружиться и ускоренным маршем двигать восвояси – восстанавливать сожженные в помутнении рассудка собственные города и села. Поскольку он был наслышан, что они еще и уничтожили урожай, распорядился, чтобы племя аллоброгов, которых римляне тоже защитили от вторжения, поделилось с бедолагами.

Прослышав о такой славной победе, вожди многих галльских племен явились в ставку Цезаря с поздравлениями и благодарностью за то, что он спас от напасти всю Галлию (так уж и всю?). А потом галльские вожди, якобы по собственной инициативе посоветовавшись, обратились с просьбой изгнать за Рейн обосновавшихся на левом берегу германцев Ариовиста. Вообще-то те оказались здесь еще до Цезаря, по соглашению с галльским племенем секванов, которому германцы помогли против эдуев, а сам Ариовист успел уладить все разногласия с Римом и заполучить статус его союзника и друга (между прочим, как раз во время консулата Цезаря). Но теперь прозвучал формальный общегалльский призыв – и Цезарь решил, что руки у него развязаны.

Опять безрезультатные переговоры – на этот раз с Ариовистом, и опять война. Германцев римские легионеры побаивались, немало наслышанные о их храбрости и воинском умении. Когда получили возможность присмотреться поближе – страха не убавилось. У Цезаря возникло даже опасение, что войско может зароптать. Но он умел говорить и умел воздействовать на солдат: «Я пойду на варваров хоть с одним только десятым легионом, ибо те, с кем мне предстоит сражаться, не сильнее кимвров, а сам я не считаю себя полководцем слабее Мария».

Потом битва – на территории современного Эльзаса, и трудная, но решительная победа. Германцев гнали до Рейна, переправиться через который удалось немногим – но среди спасшихся был Ариовист. Однако погибли две его жены и дочь, а другая дочь попала в плен.

Вроде бы можно было передохнуть – Цезарь вернулся к себе в Провинцию. Как и положено проконсулу, стал отправлять судейские функции. А еще принимал приезжих из Рима и внимательно следил, что там творится – на этом главном политическом фронте надо было держать ухо востро, тем более что туда скоро должен был вернуться из изгнания один из главных его недругов – Цицерон.

Но тут поступили сведения: что-то замышляют белги, вояки еще погрознее, чем гельветы. Цезарь пошел на них, и одолел паче чаяния быстро. Однако оказалось, что это только начало.

Каша заварилась на годы – взбудоражилось немало галлов. Кто-то шел на римлян войной, кто-то в это время изъявлял покорность, а потом неожиданно восставал. Был разбит, подвергался репрессиям, вымаливал пощаду и опять восставал. Племен в Галлии много, и все они очень разные – поди разберись, от кого чего ждать.

* * *

Но Цезарь умел разбираться. Он чувствовал, кто надежен, кто нет (эдуи, ремы, лингоны считались штатными союзниками Рима). Находил, с кем и против кого объединиться. Умел карать и умел прощать.

Если племя сразу выказывало мирные намерения – его вожди принимались с почетом, права не ущемлялись: назначались необременительные налоги, племя обязывалось предоставлять вспомогательные отряды. Но если договор потом нарушался – отступники могли дорого за это поплатиться. Особенно когда в таком восстании проливалось много римской крови – в таких случаях Цезарь был если не беспощаден, то очень суров.

Племя адуатаков объявило, что прекращает борьбу, и обещалось сдать оружие. Но оружие не сдало, а однажды ночью напало на римлян из своего главного города. Однако те были начеку – охранная служба в римской армии всегда была на высоте, а у Цезаря тем более. После жаркой битвы 53 тысячи горожан были проданы с аукциона в рабство. Бывало и строже: простые пленники шли в рабство, а знатные на казнь. И не всегда можно было удержать разъяренных солдат от поголовной резни побежденных.

Но в целом, по меркам своего времени, Цезарь вел войну довольно гуманно. *Clementia, miseri – cordial* – в русском переводе «милосердие» – было его лозунгом. Он умел понимать людей и мог быть терпимым к их слабостям. Самому ведь приходилось ужом изворачиваться в чашобе римской политики, а Цезарь, похоже, был из тех, кому свойственно не только повышенное самоутверждение, но и склонность к нравственному самоанализу. Наверное, поэтому он так успешно проводил политику «разделяй и властвуй»: он не был политиканом, не напяливал маски. А если когда и напяливал, то все равно действовал и «от души» тоже.

Но несравненный сердцевед Байрон в прекрасной стихотворной форме выразил мысль, что загляни в потемки людские – там чего только не насмотришься, будь это даже сам Цезарь. Любому человеку свойственно давать иногда волю своим потемкам. Уже позднее, при подавлении великого галльского восстания, один мятежный город оказал особенно яростное сопротивление и сдался, только когда подкопами были перекрыты все источники воды. И тут победитель позволил себе забыть о милосердии – всем, кто был способен держать оружие, отрубили руки. А потом отпустили на волю – для наглядной агитации.

Кельтский шлем

Цезарь не понимал, да и вряд ли мог понять, что нельзя с одними мерками подходить к обычаям разных народов. Как жили галлы? Неутихающая борьба всех против всех, что внутри племени, что вовне. Какие тут договоры, какое тут «международное право»... Если какое-то племя подчиняло себе другое, то налаживать с побежденными доверительные отношения и в мыслях не было: победитель благоразумно ожидал удара в спину и готовился к нему. Потому что сам в такой ситуации поступил бы точно так же.

И когда адуатаки пообещали Цезарю сдать оружие, но мало того, что не сдали, но еще и напали вероломно – немногие из галлов осудили их за это. Что такого особенного они сделали? Военная хитрость, не более того.

А вот в Риме уже существовали понятия о международном праве, и однажды с их мерками подошли к самому Цезарю. В тот раз он принял посланников от враждебного племени, но заподозрил, что они просто отвлекают внимание для внезапного удара – а потому напал сам (воспользовавшись, правда, каким-то заурядным предлогом). Но оказалось, что племя к нападению не готовилось и нападения не ожидало.

Скандал был громкий, и не где-нибудь, а в Риме. Недруги Цезаря распалились до того, что даже стали требовать его ареста и выдачи потерпевшим «за нарушение законов божеских и людских», за нападение на противника во время переговоров. Ну, это они, конечно, так, сгоряча... Во славу победоносных деяний героя в Риме постоянно устраивались молебствия и празднества, доселе невиданные. В столицу мира поступала из Галлии огромная добыча, от щедрот триумвира перепадало очень многим. Так что за хвалебными восклицаниями негодующий ропот быстро заглох.

А Цезарь затем и рвался в Галлию, и всегда помнил, зачем он туда рвался. Он должен был вернуться в Рим не просто щедрым демагогом, умеющим завоевывать симпатии толпы: вернуться должен был полководец, покрытый немеркнувшей славой великих побед, владелец несметных богатств – вот тогда и можно будет завести разговор по существу, кто в триумвирате главный, и вообще, не слишком ли это много – трое. Ради этого он действительно провоцировал порою войны, без которых можно было обойтись, но которые сулили богатую добычу.

* * *

Как полководец Цезарь был на высоте. Стремительные дальние марши, мгновенно принимаемые на поле боя спасительные и победоносные решения. Он, как никто, умел использовать главные преимущества римской армии – ее маневренность и согласованность действий. Один на один галлы, тем более германцы, могли и не уступать римским легионерам, а то и превосходили их, особенно в конном бою. Но легион был поделен на когорты, манипулы, центурии, которые умели действовать сообща, перестраиваться, менять направление удара, если придется – организовано отступать. Бойцы были приучены к взаимовыручке, обладали чувством локтя. В ближнем тылу обязательно были резервы, всегда готовые или усилить атаку, или прикрыть опасный участок. Ни у кого в мире не было боевой единицы, равной римскому легиону.

Особая статья – отношение Цезаря к солдатам. Сказать «он был строг, но справедлив» – верно, но мало. Он не утруждал, не дергал их без надобности – но когда надо, был неумолим. Легионеры постоянно укрепляли свой лагерь. Без передыху вели осадные работы: возводили валы, рыли подкопы, перекрывали реки плотинами. Прорубались сквозь дебри, шли по пояс в горных снегах, наводили мосты. А Цезарь был рядом, и при этом не барствовал, пока другие надрывались: мог ободрить приветом, призывом, шуткой, мог сам таскать камни. Обладая феноменальной памятью, знал по имени почти всех центурионов и многих старослужащих солдат.

В бою же, когда дело доходило до крайности, когда не было уже сил для решающего броска или когда казалось, что все потеряно – он сам кидался в рукопашную, вырвав щит у первого попавшегося легионера и умело орудуя мечом.

На награды не скупился. И все это не было, опять же, популистской игрой: Цезарь искренне заботился о своих солдатах и искренне любил их. Он называл их не воинами, а более проникновенно – соратниками. Когда во время восстания галлов был перебит большой римский отряд, он был охвачен неподдельным горем, стал отращивать бороду и поклялся, что не сбреет ее, пока не отомстит.

Зато и на солдат своих он мог положиться, как на каменную стену. Однажды, когда они совсем изнемогли при осадных работах, полководец обратился к ним: «Да хватит мучиться, давайте уйдем – прямо сейчас!». Как же, ушли – откуда только силы опять взялись. И ни одного случая не только бунта, но и серьезного возмущения не было за все десять лет галльских войн.

Слово Плутарху: «Он сам добровольно бросался навстречу любой опасности и не отказывался переносить какие угодно трудности... Всех поражало, как он переносил лишения, которые, казалось, превосходили его физические силы, ибо он был слабого телосложения, с белой кожей, страдал головными болями и падучей. Однако он не использовал свою болезненность как предлог для изнеженной жизни, но, сделав военную службу средством исцеления, старался беспрестанными переходами, скудным питанием, постоянным пребыванием под открытым небом и лишениями победить свою слабость и укрепить свое тело».

* * *

По ходу боевых действий Цезарь не раз пересекал Рейн и углублялся в германские земли. Для переправы через великую реку наводились мосты – инженерные сооружения, дотоле невиданные.

Дважды вторгался на Британские острова. Не из праздного любопытства – хотя и о нем не забывал, оставив нам довольно ценные записи, первые в своем роде. Британские кельты

оказывали помощь своим континентальным собратьям. И на суше, и на море – они имели неплохой флот и использовали его против римлян.

Но, скорее всего, не это было главным «казус белли» – поводом к войне. Проконсула гнал через Ла-Манш нестерпимый зуд империалиста. Британия была известна как земля богатая, и не только своими плодами и скотом, но и сокровищами недр: железом, серебром, золотом. Ради этого стоило в короткое время построить большую флотилию и пуститься в плавание.

Экспедиции эти, правда, были малоуспешны. Победы одерживались, но не решающие. Бритты благоразумно переходили к партизанской войне, а противостоят им без четкого знания местности – у Цезаря хватило ума сообразить, что лучше не надо. Интервенты набивали трюмы добычей, забирали с собой многочисленных пленников, – и обратно. До лучших времен (наступят через сотню лет).

Великое галльское восстание

В начале 54 года до нашей эры казалось, что война окончена, дело сделано – Галлия смирилась с римским диктатом. Но кто-кто, а Цезарь, успевший нутром прочувствовать, где он и среди кого, отдавал себе отчет, насколько все шатко и какой малой искры достаточно, чтобы полыхнуло.

Широкие слои галльского общества не собирались мириться с новыми реалиями – казалось, с какой бы стати? Вот они-то не очень четко представляли себе, с кем имеют дело.

Опорой нарождающегося римского владычества были те «партии», группировки знати, которым самим выгодно было опереться на пришлую силу – для того, чтобы занять ведущее положение в своих племенах. И Цезарь умело применял весь свой политический талант: кого надо поддерживал, кого надо сталкивал лбами. Учитывал племенную специфику: где назначал «царей», где преобразовывал аристократическую верхушку в «сенат», где-то в фаворе оставались традиционные племенные вожди и их окружение. Для облегчения себе жизни использовал старинную практику галлов, когда племена послабее становились «клиентами» более сильных: такими опекунами были провозглашены, в частности, эдуи и ремы. Будет кому присмотреть – ведь это давнишние римские друзья.

В тревогах и заботах о завоеванных областях Цезарь всегда помнил о главном – о Риме. А там события разворачивались судьбоносные. Отбыв в 55 году до нашей эры совместный консулат с Помпеем, Красс отправился наместничать в Сирию. Там ему замерещились лавры Александра Македонского – он задумал покорить Парфянское царство. А следом на очереди и Бактрия, и Индия...

Но парфяне обошлись с завоевателями по-кутузовски. После успехов 54 года до нашей эры, когда был захвачен ряд городов, Красс отправился в новый поход, решающий, как он его планировал. С ним вместе во главе отряда всадников был сын – Публий Красс, имевший знаки отличия за доблесть в Галлии, где он воевал под началом Цезаря.

Парфяне привычно отступили в безводные месопотамские степи, Красс устремился вослед, радуясь завоеванным просторам – и оказался в ловушке. При Каррах его окружили тучи прекрасных наездников и стрелков из лука и принялись истреблять легионеров с безопасной дистанции. Красс-младший бросился было на них со своим отрядом, но легкой галльской кавалерии трудно было противостоять защищенным латами парфянам. В отчаянном порыве галлы соскакивали на землю, пропарывали животы вражеским коням – но это было предсмертной отвагой. Погиб и их командир.

Армии оставалось или бесславно умереть, или капитулировать. При переговорах о сдаче старый Красс был предательски убит. Из римлян мало кто уцелел – большинство тех, кто не попал в плен, погибли на обратном пути. А эллинистически образованный парфянский владыка во время пира, под чтение «Вакханок» Еврипида продемонстрировал восторженным придворным голову незадачливого покорителя Азии.

Положение Цезаря осложнилось. Раньше он был как бы связующим звеном между Крассом и Помпеем, которые часто конфликтовали. К тому же неожиданно скончалась его дочь Юлия, которая была замужем за Помпеем – ее искренне любили и отец, и муж, и, похоже, римский плебс.

Цезарь предложил Помпею в новые жены свою внучатую племянницу (сестру будущего императора Октавиана Августа), а сам вознамерился сочетаться с его дочерью. Но тот от такой комбинации отказался, и женой его стала дочь Квинта Метелла Сципиона, явного недруга Цезаря.

В 52 году до нашей эры еще неприятность. Интересы Цезаря в Риме эффективно отстаивал знатный римлянин, любимец римской толпы Клодий. Содружество это было с душком.

Когда-то Клодий, переодевшись женщиной, проник в дом Цезаря на таинство в честь праздника Доброй Богини – ища встречи с его супругой Помпеей. Было судебное разбирательство по делу о святотатстве – мужчинам присутствовать на таинстве было категорически запрещено. Но Клодий был неожиданно оправдан. Пощадил его сам Цезарь, который имел уже большое влияние в Риме. Видимо, наметанным взглядом политика прикинул, что от прощенного лове- ласа может быть большая польза. Вот супругу свою он не простил, хотя любил ее, а вины на ней никакой не было. «Жена Цезаря должна быть вне подозрений» – так мотивировал свою строгость супруг, и вот откуда пошла эта фраза, которую повторяют из века в век, когда надо и когда не надо.

Клодий же, действительно, стал преданно отстаивать интересы Цезаря и занимался этим около десяти лет. Даже перешел из разряда патрициев в плебеи – чтобы легче было сеять смуту. В тогдашнем Риме у каждой политической группировки или просто у влиятельных лиц были служащие им многочисленные оравы из клиентов, вольноотпущенников, рабов и прикорм- ленной римской шпаны. Были такие и у сторонников монопольной власти «сильной руки», и у разномастных защитников одряхлевшей республики (к ним относились как ностальгирующие романтики, так и сделавшие свою ставку люди себе на уме). Эти банды постоянно устраивали между собой побоища на улицах Рима и имели немалый вес в расстановке политических сил. Клодий, бессовестный авантюрист и кумир черни, был в такой обстановке как рыба в воде, а для Цезаря человеком очень ценным. Но вдруг его убивают в случайной стычке.

* * *

И вот от таких важнейших забот Цезаря отвлекают дела поближе и пострашнее. Все-таки полыхнуло.

Первые искры полетели в 54 году до нашей эры. Тот год был неурожайный, и проконсул разместил свои легионы по всей Галлии – так им легче было прокормиться. Пятнадцать когорт (полтора легиона) были размещены в области абуронов (между Маасом и Рейном). Но только они обосновались в своем лагере – галлы совершили нападение. Римляне без труда отбили его. После этого к римским командирам Сабину и Коте пожаловал вождь племени Амбиорикс и заверил, что он здесь ни при чем, что он лично многим обязан Цезарю. Племя решилось на нападение без его ведома. И предупредил: скоро к восстанию присоединятся остальные галлы, и уже идут на подмогу германцы. Поэтому настоятельно посоветовал присоединиться к силам покрупнее.

И добился своего. На рассвете следующего дня войско выступило из лагеря растянутой колонной, отягченное огромным обозом – и стало легкой добычей галлов. Командиры погибли, немногие оставшиеся в живых попытались укрепиться в покинутом лагере. До ночи как-то продержались, но потом все до единого покончили с собой. Вот тогда-то Цезарь и поклялся не брить бороду.

Амбиорикс времени не терял – поднял другие племена. Был осажден в своем лагере легион, которым командовал Квинт Цицерон, брат знаменитого оратора. Но этот ни на какие уловки не поддавался и сумел дать знать Цезарю о своем бедственном положении. Тот не заста- вил себя ждать, и с 7-тысячным отрядом умелыми действиями разгромил 60 тысяч галлов.

Цезарь напряг все свои дипломатические способности, все свое умение убеждать – лишь бы не допустить цепной реакции. Кому давал обещания, кого запугивал. И отдадим ему долж- ное: он признавал, что случившегося стоило ожидать, что всему виной – тяжесть римского владычества. А ведь сурового ярма на галлов еще и не накладывали, это оно им с непривычки таким показалось.

* * *

Следующий, 53 год до нашей эры Цезарь решил начать с карательных экспедиций. Но в начале весны, по обыкновению, созвал в своей ставке общегалльский съезд. Увидев, что некоторые вожди племен не явились и, поняв, что это открытое неповиновение, перенес мероприятие в центр (географический) Галлии – в город паризиев Лютецию (Париж). Это племя в восстании не участвовало.

На съезде опять были уговоры и угрозы, после съезда опять были походы и битвы. Галлам приходили на помощь германцы, и римляне вновь наведывались за Рейн по прекрасным, в несколько дней сооруженным мостам.

Примечательно: вторгнувшись в страну зачинщиков мятежа абуронов, Цезарь обратился ко всем соседним галльским общинам с призывом: приходите и грабьте. И пришли, охотно пришли. Опустошение было страшное. Абуроны вообще исчезли из истории.

На очередном съезде, который состоялся осенью в Дукорторе (Реймсе), было проведено следствие для выявления главных виновников возмущения, и один из них, Аккон, был подвергнут мучительной казни.

Вроде бы стало тише. Обеспечив запасы продовольствия для армии, Цезарь отправился на зиму в Верхнюю Италию (Цизальпийскую Галлию). Там он узнал, что сенат избрал Помпея консулом, наделив его чрезвычайными полномочиями: дал возможность провести набор военнообязанных по всей Италии. Цезарь немедленно набирает новые легионы в Провинции, но они ему потребовались не там, где он, возможно, предполагал. О творящемся в Риме прослышали и галлы, они решили, что Цезарю теперь не до них, он больше не вернется, и оживились. Они ошибались, и 52 год до нашей эры стал самым кровавым в галльской эпопее.

Началось в области карнаутов – духовном центре галлов, где каждый год собирались со всей Галлии друиды. В городе Ценабе (Орлеане) безжалостно перебили всех римских граждан.

К восстанию присоединилось племя арвернов. Это оказало на галлов особенно большое воздействие. Арверны были сильнее всех и богаче всех в южной Галлии, и до сих пор соблюдали верность Риму – так что их пример был заразителен. А главное – среди арвернов выдвинулся молодой вождь Верцингеториг.

Конечно, галльские имена очень трудны, но это стоит запомнить. Потому что его обладатель сумел поднять Галлию на общенациональное восстание, а не на мятеж разрозненных племен, пусть и одновременный (немецкий историк Моммзен высказал мысль, что как греки осознали свою национальную общность только во время нашествия персов, так и галлы впервые прониклись ею, восстав сообща под предводительством Верцингеторига). Это был и военный талант, соизмеримый с Цезарем. Вскоре его провозгласили царем.

Времени он не терял. Собрал силы двенадцати соседних общин и послал их на Провинцию, а сам отправился поднимать другие племена.

Но тут неожиданно-негаданно появляется Цезарь с армией, усиленной новыми легионами. Действует он не менее энергично, чем его соперник: сквозь казавшиеся непроходимыми горные снежные заносы пробивается на территорию его родного племени.

Там он долго не задерживается – слишком рискованно. Двигается на другие восставшие племена, и повсюду ему сопутствует успех. Ценаб (Орлеан), где были истреблены римские граждане, наказан жестоко: отдан солдатам на разграбление и подожжен.

И тогда Верцингеториг избирает новую стратегию войны. Надо избегать фронтальных сражений со стальными римскими когортами. На стороне галлов превосходство в коннице – поэтому успех надо искать в быстрых нападениях на небольшие отряды, занятые добычей продовольствия и транспортировкой его. Лишить римлян снабжения, не давать им покоя частыми набегами, обескровливать в мелких стычках.

И надо приучать себя к мысли, что ради общего блага приходится жертвовать родным и близким. Если требуется, сжигать свои села и даже города – чтобы они не стали приютом и опорными пунктами для римлян.

Все это похоже на ту партизанскую войну, которую за Ла-Маншем вели против Цезаря бритты. Но Верцингеториг сумел перенять у римлян еще и тактику использования быстро возводимых и хорошо укрепленных лагерей.

Галльские вожди одобрили его план. В один день запылало двадцать селений и городов племени битуригов. Но свою красу и гордость, город Аварику (Бурж) битуриги смогли отмотить: это был один из прекраснейших и богатейших городов во всей Галлии. Пообещали, что никогда не сдадут его врагу.

Вскоре предоставилась возможность проверить силу этой клятвы – Цезарь осадил город. Осада действительно давалась римлянам очень тяжело. Солдаты надрывались, ведя осадные работы в болотистой местности. Верцингеториг все время был рядом, его летучие отряды тревожили постоянно.

Но в ход пошли все достижения римской инженерной мысли: валы, крытые галереи, подвижные башни, метательные машины. Осажденные попытались избавиться от этой угрозы внезапной ночной вылазкой, но были отбиты, хотя сражение продолжалось до самого утра. Положение становилось безнадежным.

Цезарь решил на штурм. Город был взят, и пощады от ворвавшихся солдат не было никому – ни женщинам, ни старикам, ни детям. Из сорока тысяч жителей несчастного города в живых осталось не более пятисот.

Но восстание после этого не пошло на убыль, напротив – еще больше разгорелось. И авторитет Верцингеторига после произошедшей трагедии только возрос: галлы убедились в превосходстве его замысла над стратегией больших сражений.

Цезаря ждал еще один неприятный сюрприз: стала назревать гражданская война внутри племени эдуев, вернейших римских союзников. Даже в Провинции стало беспокойно. В поисках дополнительных сил проконсул послал гонцов за Рейн, к недавно подчиненным германским племенам, с просьбой прислать конные отряды и легкую пехоту. И германцы не преминули поспешить на запах крови.

* * *

Развязка наступила у города Алезии, расположенного на высоком холме. Верцингеториг, решившийся оборонять город, расположил свое войско не только внутри стен, но и вокруг холма. Недавно в подобной ситуации он добился успеха у Герговии – там римляне вынуждены были отступить.

Подошедшие легионы стали возводить линию осадных укреплений длиной в 17 километров. Галлы мешали работам налетами своей конницы, и однажды развернулось большое кавалерийское сражение. Уже не в первый раз успех римлянам принесли германские всадники – бой с ними галлам был не по плечу.

Верцингеториг принял смелое решение – отослал своих конных воинов, чтобы они разнесли по всей Галлии призыв идти на выручку осажденному городу. Поведавать, что у запертой там 80-тысячной армии припасов осталось всего на месяц, а если она погибнет – это будет всеобщей катастрофой. Съезд вождей разослал по всем общинам разнарядки, кому сколько воинов выставить. Предполагалось, что прибудет, по крайней мере, 250 тысяч человек.

Но Цезарь, узнав об этом, тоже принимает необычное решение: приказывает возводить 20-километровую внешнюю линию обороны – от угрожающего извне ополчения.

В Алезии, действительно, скоро подошли к концу припасы, начинался голод. На военном совете прозвучало страшное предложение: употребить на пропитание защитников всех

негодных к обороне. Но большинству это пришлось не по душе, было принято более мягкое решение: лишних отправить из города.

И вот огромная толпа исхудавших горожан, не так давно предоставивших свои родные дома для общего дела, двинулась к римским траншеям. Они умоляли обратить их в рабов – только бы накормили. Но Цезарь был неумолим и всех отправил обратно.

Наконец, стеклась в достаточном количестве общегалльская рать. Защитники воспряли духом. Дважды римляне были с жаром атакованы с двух сторон, из города и извне, но выстояли.

Третье сражение было решающим – соперники понимали, что на кону все, пан или пропал. Напор галлов был отчаянным, Цезарь сам ринулся в рубку в пурпурном плаще во главе конных когорт. Чаши весов трепетали, и тут пришло подкрепление – но не к галлам, а к римлянам.

Победа была полная. Положение осажденных стало безвыходным, напивавшее извне ополчение стало разбредаться – оно было слишком разноплеменным, а потому не очень стойким.

На следующий день последовала капитуляция. Верцингеториг в своих лучших доспехах, на нарядно убранном коне объехал вокруг возвышения, на котором восседал Цезарь, сорвал с себя вооружение и сел у его ног.

* * *

Что ожидало его? Шесть лет заключения в сырой римской тюрьме, в горьком ожидании, пока Цезарь наконец удосужится отпраздновать свой триумф.

О, это будет невиданное зрелище! Цезарь справлял подряд четыре триумфа: Галльский, Александрийский, Понтийский и Африканский. Его колесница ехала в сопровождении сорока огромных слонов, на повозках везли груды золота и тысячи золотых венков, горы других сокровищ, убранство из драгоценных пород дерева, слоновой кости, черепахового рога.

Триумфатора сопровождали верные соратники – его солдаты. Они, по обычаю, распевали веселые насмешливые песенки: «Эй, римляне, прячьте жен! Мы везем плешивого бабника!». Герой дня действительно всю жизнь был падок на любовные утехы, и взаимностью ему отвечали многие римские матроны – даже Муттия, жена Гнея Помпея. Этого стыдиться не стоило. Но из рядов ветеранов звучало и довольно обидное: намеки на давнее знакомство с армянским царем Никомедом, у которого, по упорным слухам, совсем еще юный Юлий выполнял роль... царицы, что ли. Цезарь всегда ожесточенно клялся, что ничего такого не было, но ему почему-то не верили. Когда он получил проконсульство в Галлии и на радостях расхвастался в сенате, что теперь он обретет вождеденную силу и всех своих врагов оседлает, кто-то отпустил злую реплику, что для женщины это нелегко. Цезарь на этот раз не стал огрызаться, а отшутился: в Сирии со славой правила Семирамида, а амазонки владели немалой частью Азии. Да, впрочем, в те времена к таким юношеским грешкам относились куда спокойнее, чем в христианские Средние века и даже спокойнее, чем в нашем третьем тысячелетии.

А в конце триумфа, по давно заведенному протоколу мероприятия, полагалось казнить пленных вражеских царей и вождей. По сути, это было жертвоприношение римским богам, и ради этого поверженные владыки и сидели годами в темнице, а теперь шли прикованные к колеснице победителя. Вот что ждало Верцингеторига.

* * *

Но до этого еще шесть лет. После победы при Алезии Цезарь принялся за окончательное умиротворение новой римской провинции. Это было делом не простым, и растянулось оно на два года.

Верный своему принципу милосердия, Цезарь не стал сурово наказывать даже арвернов, родное племя Верцингеторига. Напротив, он хоть и взял от них знатных заложников, но зато вернул 20 тысяч пленников и разрешил самоуправление.

Трудно пришлось с племенами белгов, особенно с белловаками. Во всеобщем восстании они не участвовали, потому что считали, что объединяться с кем-либо – ниже их достоинства. Но теперь сами поднялись на борьбу во главе соседних племен, и даже кое-кто из германцев к ним примкнул. Цезарь все же одолел их всех и обошелся опять снисходительно. Вот только когда побежденные стали оправдываться, что весь спрос за мятеж с их вождя Коррея, который погиб в бою – заметил в ответ, что по себе знает, как легко все валить на мертвых. Но про себя рассудил, что хватит с них и того разгрома, который постиг их за время боевых действий.

А в завершение была упоминавшаяся уже дикая расправа с защитниками города Укселлодуна, которые очень упорно оборонялись и которым за это отрубили руки. Видно, у проконсула в пылу гнева промелькнуло, что милосердия проявлено уже более чем достаточно, можно и отдохнуть.

К 50 году до нашей эры Галлия практически успокоилась, ни о каких значительных волнениях упоминаний в источниках нет. В конце зимы Цезарь провел торжественный смотр всего своего войска – этим ставилась точка в долгой войне.

Если верить Плутарху, во время нее великому полководцу противостояло в разных битвах 3 миллиона человек. Миллион из них погиб, миллион был захвачен в плен (возможно, имеются в виду все войны Цезаря, а не только галльские. Но и в этом случае на долю галлов приходится львиная доля жертв). Было взято штурмом более 800 городов, покорено 300 народностей. Завоеванная территория составила 500 тысяч квадратных километров (почти площадь современной Франции).

Богатства захвачены были несметные. Цена золота по отношению к серебру в Риме упала на четверть. В армии-победительнице обогатились и офицеры, и солдаты, и, конечно же, сам проконсул. Светоний, писатель, впрочем, весьма ядовитый, отзываясь о его галльских делах так: он «опустошал капища и храмы богов, полные приношений, и разорял города чаще ради добычи, чем в наказание».

Теперь главной задачей стало устройство мирной жизни, включение «косматой» Галлии в общеримскую систему. Поначалу все завоеванные земли считались присоединенными к Нарбоннской Галлии – Провинции. Подход к разным племенам и общинам, как и во время войны, у Цезаря был строго индивидуальный. Он не собирался принудительно менять где-либо традиционную внутреннюю систему управления. Главное, чтобы «местные элиты» состояли из преданных Риму людей. Поначалу весьма терпимым было отношение к галльской религии и сословию друидов.

Три старых друга Рима: эдуи, ремы и лингоны стали пользоваться особыми правами (о их двусмысленном иногда поведении во время войны больше не вспоминали), они по-прежнему могли иметь «клиентов» из числа других племен. Остальные должны были выплачивать твердо установленный налог. В целом Трансальпийская Галлия первое время вносила в римскую казну 40 млн. сестерциев ежегодно. Сумма весьма скромная, но что было взять с разоренной страны?

С.Л. Утченко: «Цезарь не создал, вернее, не успел создать в Галлии вполне законченной и стройной политико-административной системы, тем не менее, введенные им порядки оказались чрезвычайно устойчивыми и вполне реалистичными. Это доказывается хотя бы тем фактом, что, когда в Риме вспыхнула гражданская война и в Галлии почти не осталось римских войск, эта вновь завоеванная страна оказалась более верной Риму, чем некоторые провинции, казалось бы давно свыкшиеся с римским господством».

На новые земли сразу же нахлынули римские «капиталисты»: дельцы, торговцы, ростовщики. Это необычайно подхлестнуло деловую активность. Полным ходом пошел процесс романизации: как экономической (например, стали появляться латифундии – сначала римской, а

потом и местной знати), так и культурной: в перспективе почти до полного забвения родного языка (его сменила латынь) и религии.

* * *

Цезарь не собирался надолго задерживаться в Галлии, да и проконсульские полномочия уже истекали. Он все чаще кидал взгляды за Альпы, на вождьенный Рим.

Там популярность его достигла высшей точки. Даже давний недруг Цицерон, – искренне уверенный, что это Цезарь в свое время упек его в изгнание, – изрек в одной из своих речей: «Могу ли я быть врагом тому, чьи письма, чья слава, чьи посланцы ежедневно поражают мой слух совершенно неизвестными доселе названиями племен, народностей, местностей?». Поэт Катулл, который, по словам самого Цезаря, заклеил его «вечным клеймом» как негодя и похабника, под конец недолгой жизни стал величать галльского героя «знаменитым» и «славным».

Так что впереди – другие дороги. В 49 году до нашей эры жребий был брошен, двинувшиеся из Галлии легионы «перешли Рубикон» – маленькую речушку, которую сегодня не всякий автомобилист и заметит. Но тогда она была заповедной – через нее, лежащую по дороге на Рим, без особого постановления сената не имели права переходить войска.

Это стало началом гражданской войны, в которой Цезарь одолел Помпея, помпеянцев и сторонников республики. Потом диктаторская власть, новые завоевательные войны, не по возрасту африканские страсти с Клеопатрой. Великолепный четверной победный триумф, на который мы уже налюбовались.

А в 44 году до нашей эры один из величайших персонажей мировой истории пал под кинжалами заговорщиков в окровавленной тоге к подножию статуи погубленного им Помпея. В здании сената началась паника, и только к вечеру рабы положили тело убитого на носилки и понесли домой, и с носилок бессильно свесилась рука. Вот и последняя точка в беспримерной драме, самые славные и самые кровавые страницы которой были написаны в «косматой» Галлии.

Начало империи

Галлам предстояло теперь жить в PAX ROMANUM – «Римском мире», точнее – мире Римской империи. На ближайших страницах мы зачастую не будем выделять историю Галлии из истории империи. То, что творилось в Вечном городе – несколько столетий определяло и жизнь провинций. Рим, как мы видели, забирая, что считал положенным ему, никому не навязывал свой образ жизни. Но его античная культура была так соблазнительно-привлекательна, что действовала всепоглощающе. Авторы раннего средневековья зачастую совершенно не отделяют галлов от римлян (вернее, называют римлянами всех). Конечно, повсюду сохранялась специфика, и в Галлии она была сильна – но на политическом и социально-экономическом уровне значение ее было невелико. Рим нивелировал всех.

В PAX ROMANUM бывало и туговато. Галлам, как впоследствии жителям других завоеванных провинций, приходилось потесниться, чтобы было где разместиться римским латифундистам. Все больше внедрялось римское управление, все больше появлялось военных гарнизонов – а от чиновников и от военных всегда жди произвола и обиды.

Император Октавиан Август

Постоянно росли налоги. Шли они не только на имперские нужды – все более охочим до «хлеба и зрелищ» становился римский плебс. А как же, с возникновением империи (27 год до нашей эры) у него отняли всякое действенное участие в народоправстве (даже в хулиганских формах, как при поздней республике), оставив одни иллюзии. Главным способом выражения недовольства простого римского народа стал теперь громкий свист на трибунах цирка при появлении императора – это когда вдруг резко подскочили цены на хлеб. Правда, и этот свист дорогого стоил: власть имущие помнили, на что может быть способна эта толпа, а поэтому понимали, что хлеба и зрелищ у нее должно быть вдоволь. Египет потому всегда и находился под непосредственным управлением императорской администрации, что это была основная

житница империи, снабжавшая зерном и Рим. Впрочем, до поры до времени большой прива- рок к бюджету давала военная добыча, так что налоги были терпимы.

Открывались новые возможности. Все больше галлов и германцев (последних особенно) могло поступить не только во вспомогательные войска, но и в легионы. Когда-то привилегия и обязанность служить в них принадлежали исключительно римским гражданам (в старину считалось, что кто присутствует на народных собраниях, тот и становится в строй).

Но римская армия становилась все более профессиональной, а тут еще гражданские войны выкосили прежнюю основную питательную среду легионов: славящиеся выносливостью и отвагой италийские племена. Все эти родственные латинянам марсы, самниты, сабиняне понесли во время усобиц страшные потери. Воины Суллы за один только день перестреляли из луков на арене цирка 6 тысяч пленных самнитов, а сам диктатор успокаивал перепуган- ных душераздирающими криками, долетающими через окно, сенаторов: «Не беспокойтесь, это всего лишь наказывают кучку негодяев». В довершение и так обескровленное италийское кре- стьянство разорялось из-за конкуренции рабовладельческих латифундий (там за счет рабского труда собирали почти дармовой урожай) и из-за завоза дешевого хлеба из Египта.

Так что в легионы охотно стали брать уроженцев новых провинций (мы видели, как пополнял Цезарь свою армию в Нарбоннской Галлии). Привыкнув к суровой римской дисци- плине, они становились отличными солдатами, – а прочих качеств им было не занимать, рим- ляне в этом давно убедились. Наиболее способные и доблестные дослуживались до центурио- нов, а в перспективе и это был не предел.

Знатные галлы все чаще становились теперь не старейшинами, не племенными вождями, а магистратами по римскому образцу: привнесенное после Галльской войны городское само- управление, сохраняющее в себе черты античного полиса, успешно прижилось и сохранялось до самого конца империи.

Но они поднимались и выше: в римскую администрацию, в том числе и в столичную. Со временем галльские аристократы стали занимать места даже в римском сенате (раньше всех, как мы помним, знать «своей» Галлии – «одетой в тогу», потом Нарбоннской, потом и «косма- той» – когда таковой она оставалась только на злопыхательских языках римских старожилов).

Провинциалам вполне по силам было сделать имперскую карьеру. Те из них, кто ставил перед собой такую цель, довольно органично подходили под новый общественно-психологи- ческий тип, складывающийся в Риме. Тип не гражданина, а подданного. Жители завоеванной провинции не несли в себе историческую память о славных временах республики, с ее наро- доправством и народными трибунами, когда очень веско звучало: «Не тронь меня – я римский гражданин». Когда «не из рук царя получали римляне милостыни, а консул получал из рук народа империй» (М.В. Алферова).

Им не надо было внутренне перестраиваться, чтобы стать старательными исполнителями воли вышестоящего бюрократа и верноподданными императора. Они думали о себе и о ближ- них своих, а не о высоких материях. Да так-то оно и внешне привлекательнее: перестроивши- еся выглядят зачастую особенно гадко.

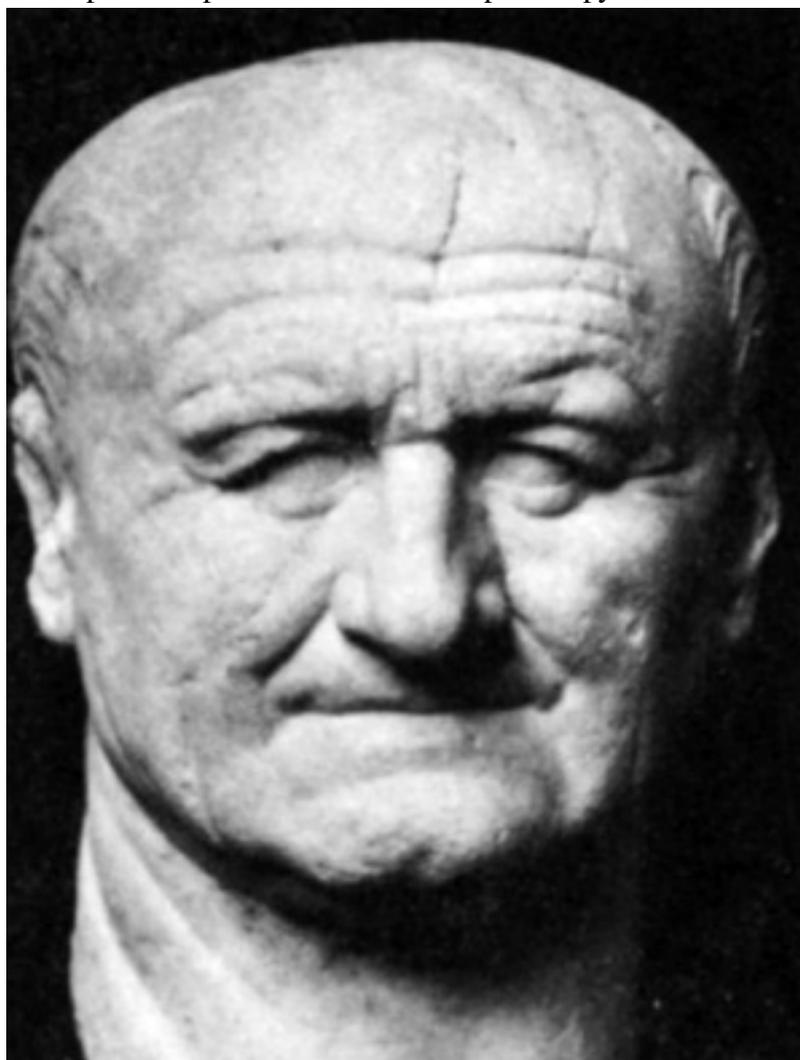
Вот сценка из времен императора Тиберия (правил в 14–37 гг. нашей эры). Выступает человек в сенате, говорит что-то дельное. И вдруг ему один из коллег в глаза: «Если ты такой говорливый да рассудительный, что ж ты все время помалкиваешь, когда мы Цезаря восхва- ляем?!» (Цезаря – в смысле Тиберия). И к вечеру нет человека. С конфискацией имущества, разумеется. А обличителю – положенный процент. В первое столетие империи таких мерзо- стей хватало – это потом они на время исчезли.

Впрочем, сенат был уже не тот. После гражданской резни уцелело не больше 30 знатных квинритских родов (тех, что возводили свое происхождение к основанию города), и их предста- вителей совсем немного было на скамьях этого славного учреждения. Занимался же сенат в

лучшем случае тем, что доводил до ума проекты законов, присланные из канцелярии императора, и отслеживал их исполнение. Бюрократический орган, не более того.

* * *

Первый кризис империи произошел в 69 году – знаменитом «годе четырех императоров». А добавить еще несколько месяцев – императоров станет пять, и только один из них остался жить дальше. Первым всадил в себя кинжал, чтобы не попасть в лапы взбунтовавшихся преторианцев (личной охраны императора), «кровавый поэт» Нерон (перед смертью он успел изречь: «Какой великий артист умирает!»). Потом подобная участь одного за другим постигла еще троих. Легионы и преторианская гвардия впервые тогда вышли во всей зловещей красе на сцену римской политической жизни. Они были на ней и в эпоху гражданских войн, но тогда они преданно шли за своими харизматическими лидерами – полководцами, теперь же стали ощущать вкус собственного произвола, чинимого на самом высоком уровне. Сменившего Нерона Гальбу зарезали собственные преторианцы вскоре после того, как провозгласили императором: он не выплатил им вовремя награды, да еще и накричал грубо, когда они подняли бузу.

Император Веспасиан

Благо еще, что уцелевшим в том паноптикуме 69-го оказался волевой и авторитетный Веспасиан, прибывший во главе своих легионов из Иудеи, где был наместником. Человек уже

пожилой, простонародный (его отец был сборщиком налогов в Галлии), в Гомерах и Платонах не начитанный, но основательный – со здоровым умом и практической хваткой. От доносчиков отмахивался, даже от личной охраны отказался (помнил, что случилось с Гальбой).

Пришел к нему однажды молодой человек, весь расфуфыренный и надушенный, благодарить за назначение на выгодную должность. Старик недовольно повел носом, и выдал: «Лучше бы ты чесноку нажрался». Отобрал бумагу с назначением – и прогнал.

Это от него пошло «деньги не пахнут». Понастроил он по всему Риму очень комфортабельные отхожие места, но стал брать плату за пользование. Сын его Тит стал укорять отца за скаредность. А тот поднес ему к лицу монеты: «Что, пахнут чем?» – «Нет», – отвечает. – «А ведь эти деньги на моче заработаны».

Так и считал он своим императорским предназначением: строить, зарабатывать, укреплять. Это он стал широко предоставлять права римского гражданина провинциалам. И в сенат провинциалы при нем попадали все чаще.

Тит, его старший сын, считался правителем милосердным – хоть и сурово поступил с восставшим Иерусалимом, при штурме которого сгорел дотла Иерусалимский храм (правда, не надо забывать, что в начале событий евреи перебили весь римский гарнизон, который обязались беспрепятственно пропустить).

Но Тит через два года правления скончался от какой-то болезни, а при его младшем брате Домициане наверху опять стало неуютно. Доносы, казни под надуманными предложениями, конфискации.

Золотой век империи

Домициан, что уже было не в новинку, плохо кончил – его зарезал собственный вольноотпущенник. Но после него наступил «золотой век Римской империи». Правление династии Антонинов, начавшееся в 97 году с Траяна и завершившееся в 192 году смертью Коммода. Которого, однако, к «золотому веку» можно отнести только с большими оговорками, это был «скорее гладиатор, чем император»: он из спортивного интереса 735 раз выходил на арену (отметим, что в его время гладиаторы все чаще были не рабами, а свободными людьми). Самым же славным из Антонинов был Марк Аврелий (отец Коммода), философ-стоик, оставивший нам свою замечательную книгу «Наедине с собою» – пожалуй, первую в жанре «исповеди души».

Если Траян еще вел большие завоевательные войны («колонна Траяна», украшающая Рим, воздвигнута в честь победы над даками), то его преемники целиком переключились на дела внутренние.

Антонины были людьми высококультурными, много создавшими (например, Адриан сам был неплохим архитектором) и заботившимися о благополучии своих подданных. Конечно, их тоже можно отнести к сложившейся уже имперской генерации правителей, с присущими им самовластными замашками. Обратился, например, к Траяну его друг, известный писатель Плиний Младший, с просьбой разрешить открыть в провинции, куда он был послан наместником, библиотеку. А император в ответном теплом письме как бы вскользь это дело запретил – ни к чему. Впрочем, по сравнению с тем, что было (и тем, что будет) – это сущие пустяки.

В эти десятилетия значительно улучшилась участь рабов. Тому были причины и объективные: с прекращением завоеваний резко сократился приток пленников, и рабы теперь были людьми, родившимися и выросшими среди прочих жителей империи, в той же культурной среде (не то, что многие из прежних, которые ни бе, ни ме по латыни). Хозяевам запретили убивать рабов «из прихоти» – под страхом изгнания или смертной казни. Стало наказываться и неоправданно жестокое обращение: одна римская матрона, мучившая своих служанок, отправилась на пять лет в ссылку. Рабынь нельзя стало продавать в публичные дома, рабов – в школы гладиаторов. Гладиаторские бои тоже стали уже не прежними кровавыми зрелищами: Марк Аврелий распорядился, чтобы бойцам выдавали только тупое оружие (иначе Коммод еще подумал бы – выходить ли так часто на арену).

Античный храм Дианы в Ниме

Владельцы крупных поместий все чаще отказывались от того, чтобы содержать невольников всем скопом, – как «говорящую скотину», – в полуподвальных казармах (эргастулах), откуда их рано утром выгоняли на работу плетью и палками с заостренными наконечниками. Теперь как в Италии, так и в провинциях предпочитали выделять рабам «пекулий» – надел земли и все необходимое для первоначального обзаведения. За это они отдавали значительную часть урожая и приплода. Раб мог обзавестись семьей, чего раньше не допускалось, и фактически превращался в крепостного.

Шел и встречный процесс – сходная участь все чаще постигала бедноту. Безземельные и малоземельные предпочитали переходить под господское покровительство, становясь колоннами. А то и вынуждались: Римское право – Римским правом, а сильному обидеть слабого тогда было не труднее, чем сейчас.

* * *

В пору, когда империя перешла к стратегической обороне, острее встал вопрос о защите своих рубежей. Особенно на севере и северо-востоке: незамирные германские и кельтские племена постоянно тревожили Галлию и южную Германию своими набегами.

Развернулось строительство огромной оборонительной линии, которая была завершена (как казалось) и усовершенствована при Адриане в начале II века – «Адриановы валы».

Если идти с запада на восток, начиналась она в Британии, где проходила по границе нынешних Англии и Шотландии и защищала римские владения в Альбионе от пиктов и кельтских племен скоттов (предков нынешних шотландцев). На материке линия укреплений начиналась на побережье Северного моря и шла по рейнскому левобережью. От среднего течения Рейна она тянулась к Дунаю, защищая проживавших в междуречье замирных германцев от опасных собратьев. Дальше линия шла по правому берегу Дуная, а позднее была продолжена вдоль Карпат к самому Черному морю: и по сей час в Бессарабии показывают остатки «Трояновых валов», как их там называют.

Пятиметровой глубины рвы, земляные валы, высокие стены – где дубовые, где каменные; наблюдательные башни – это еще не все. Вдоль всей линии были построены крепости, в большинстве своем ставшие со временем торговыми и промышленными центрами. Целый букет разноязыких городов сегодняшней единой Европы уже тогда был звеньями мощной цепи укреплений: Колония Агриппина (Кельн), Могунтиак (Майнц), Аргенторат (Страсбург), Бонна (Бонн), Борметомаг (Вормс), Августа Тревиров (Трир), Августа Винделиков (Аугсбург), Виндобона (Вена), Аквинк (Будапешт), Сирмий (недалеко от Белграда).

За этой защитной стеной романизация Галлии пошла еще быстрее, образ жизни ее населения все больше приближался к италийскому. Храмы римских богов, общественные здания и дворцы возводились с использованием мраморных колонн и арок. Пролегли прямые, как стрела, знаменитые римские дороги, появились акведуки и канализация. Народ заполнял цирки и театры.

Знать и богачи тянулись за обосновавшимися в Галлии римскими латифундистами. На их виллах было на что посмотреть – от прекрасных античных статуй до ватерклозетов.

Галлия вышла, без преувеличения, на мировой рынок. Торговые связи Римской империи были огромны: достаточно сказать, что к 120 г. был налажен регулярный товарообмен с Китаем, а в 150 г. в Поднебесную прибыло римское посольство.

Соблазнов было много, и это стимулировало не только усиление эксплуатации низов, но и усложнение хозяйства и общественных отношений. Очень кстати пришлось римское право: в нем подробно и ясно были прописаны вопросы, связанные с имущественными отношениями.

* * *

Римский акведук в Галлии

В Галлии некоторое время довольно спокойно жилось и после «золотого века» Антонинов. В римских провинциях была налажена четкая система управления (в этом римляне были непревзойденными мастерами), и можно было жить, не очень интересуясь происходящим в столице империи. Что было обитателям Аквитании или берегов Секваны до дворцовых безобразий?

До того, например, что в течение нескольких лет на императорском троне пребывал душевнобольной юноша Элагабал. А парнишка был такой, что – вразнос. Он был пассивным гомосексуалистом и постоянно держал при себе возлюбленного из рабов. Мстя противоположному полу за свою нетрадиционность, разъезжал на колеснице, запряженной обнаженными

красавицами. В Сирии был найден метеорит, похожий на мужской половой член. Император возомнил, что это символ Солнечного Божества, и выстроил для него на римском холме Палатине огромный храм, себя же произвел в жрецы Солнца. Ради развития культа даже переступил через свои наклонности: женился на весталке (а их, бедных, когда-то за нарушение девственности в пещере замуровывали). Потом была разыграна мистерия, означавшая, что богиня Минерва «отдана в жены» этому с неба свалившемуся фаллосу.

Элагабал наверняка бы еще что-нибудь учудил, достойное упоминания, но его вместе с матерью прикончили преторианцы.

Нагиск варваров. Кризис III века

Римляне были не из тех народов, которым свойственно успокаиваться. Они без всяких законов диалектики знали, что покой в нашем мире всегда относителен. А потому непрерывно укрепляли свой знаменитый оборонительный вал. Вдоль него была проложена широкая военная дорога для ускоренной переброски легионов.

Применялись и меры иного характера. Большинство земель в междуречье Рейна и Дуная были объявлены «императорскими вотчинами» и на них стали устраиваться колонии поселенцев. Туда приглашали малоимущих обитателей Галлии, селили захваченных во время восстания бриттов, туда просились многие германцы из-за вала. Все эти люди получали помощь, на десять лет освобождались от налогов, их надельные становились наследственными. Здесь происходил оживленный торговый и культурный обмен вчерашних варваров с жителями сопредельных внутренних территорий. Германцы «учились у римлян прививать плодовые деревья, сажать виноградную лозу, удобрять землю, устраивать большие мельницы, печь хлеб, возводить каменные постройки, употреблять в доме столы, скамьи и шкапы» (Р.Ю. Виппер).

* * *

Но не все за Рейном и Дунаем горели желанием приобщиться к такой идиллии. Первыми пришли в недоброе возбуждение восточные германцы, чьи земли лежали между Балтийским морем и Карпатами. Жажда завоеваний и наживы заставила их набраться решимости и презреть грозные римские преграды. Племена объединялись, выдвигали предводителей, военных вождей – герцогов или конунгов. Людей, как правило, знатных, прославленных боевыми подвигами. В случае успеха их титул мог стать пожизненным, а то и наследственным – так зарождалась королевская власть.

Первыми около 160 г. проломилась через дунайский заслон маркоманы. Позлодействовали в Норике (нынешней Австрии), в Паннонии (западной Венгрии), даже перевалили через Альпы и проникли в северную Италию. В конце концов римляне отбросили варваров, но на это ушло целых 15 лет, и Марк Аврелий написал большую часть своей прекрасной книги на походных привалах.

Империя встревожилась не на шутку. По Дунаю возвели стену наподобие китайской, в легионы были включены воины из германских пограничных отрядов.

Ничего не помогало. Следуя заразительному примеру, в наступление пошли западные германские племена. В 213 г. защитную линию преодолели алеманны (швабы) – они вторглись на ухоженные галльскими и германскими поселенцами земли между Рейном и Дунаем (французы до сих пор зовут алеманнами тех, кого мы называем немцами). Франки (обратите внимание на их появление!) со среднего Рейна проникли в Галлию. «К 260 г. римляне потеряли все свои владения на правом берегу Рейна, все, что они отняли у варварского мира со времени Траяна, что разработали при помощи цепкого труда колонистов, привлеченных из разных концов империи» (Р.Ю. Виппер).

Теперь уже можно было говорить скорее не о романизации, а о начавшемся противоположном процессе – варваризации римской окраины. Чтобы как-то приручить нахлынувших германцев, им разрешили селиться большими сообществами в пограничных областях. От этих незваных новоселов требовали лишь одного – чтобы они поставляли солдат в римскую армию.

Римляне времен упадка (Т. Кутюр)

Германцы все больше наводняли и глубинные районы, но уже не по своей воле. Началось с того, что Марк Аврелий раздал пленных маркоманнов латифундистам – как полуподневольных сельских рабочих. Таких «гастарбайтеров» становилось все больше, но к земле у них душа не лежала – искали любую возможность записаться в солдаты.

Главная слабость империи перед лицом внешнего врага – у ее защитников не было чувства патриотизма. Кто держал оборону? Легионы все больше наполнялись галлами и германцами, конница в еще большей мере была фессалийской и сирийской. Эти люди не были носителями «римского мифа» – исторического предания о славе предков. Скорее, они хоть и служили империи, но помнили о недавних обидах. И в современной им окружающей реальности они вряд ли могли найти почву для любви к своему новому отечеству. Солдаты же из природных римлян прониклись убеждением, что их услали на дальние границы по соображениям скорее политическим: чтобы такой беспокойный элемент не обретался около центров власти.

Что было делать – объявить всеобщую воинскую повинность? Правящее сословие этого боялось. С одной стороны, попробуй, вооружи плебеев, обучи их воинскому мастерству – глядишь, вскоре небо с овчинку покажется. С другой – люди состоятельные не хотели, чтобы в армию шли и их дети. Этого не хотели и многие из простонародья. Когда все же объявлялись массовые призывы – были случаи, что отцы отрубали пальцы своим сыновьям, лишь бы те не попали под славные знамена (настанет время, когда в строй погонят и калек, но это будет признаком последних времен). В общем, абсолютное большинство населения не хотело браться за оружие, да и не знало, как с ним обращаться. Люди куда охотнее отрешались от действительности, погружаясь в мистические религиозные культы, в большом количестве проникавшие с Востока. Что толку было ломиться в их души с официозной державной идеологией?

* * *

Под напором с разных сторон империя затрещала, и началось нечто кошмарное – то, что историки назвали «кризисом третьего века».

В Месопотамии эллинизированных парфян сменили персы, очень гордившиеся своей иранской чистотой крови («иран» – от «арья», «чистый»). Отсюда же «арии». Как видим, претендентов в самые чистые арийцы немало). Они сразу выказали намерение вновь создать азиатскую сверхдержаву, к которой не прочь были присоединить римские Малую Азию и Сирию.

На северо-востоке империи все настойчивее давали знать о себе готы.

Путь их туда был замысловатым. Во II в. эти восточногерманские племена совершили впечатляющий марш-бросок с берегов Вислы (куда они незадолго до того перебрались из Скандинавии) к северному Причерноморью. За ними увязались некоторые другие германские племена: герулы, лангобарды, вандалы, бургунды и прочие помельче. Обычно племя двигалось не всем скопом: в путь отправлялись те роды или общины, которые пожелали. Оставшиеся тоже долго на месте не задерживались, но могли двинуться совсем в другом направлении – поэтому иногда обнаруживаем одноименные сообщества в местах весьма отдаленных друг от друга. Большинство бургундов, например, с готами не пошли, а перебрались на берега Майна (в западной Германии). Мы их еще встретим – на этот раз в Галлии.

Кстати, то же самое можно было наблюдать и у славян. Так, потомков когда-то единого хорватского племени видим и на берегах Адриатического моря, и в Западной Украине (в нашем некорректном просторечии это «бендеровцы», а в более мягком восточно-украинском варианте – «захидные»). Склавены частью ушли к нижнему Дунаю и на Балканы, а другие под именем славян (словен) достигли Ильмень-озера и основали Новгород.

Есть предположение, что на среднем Днепре, примерно там, где теперь Киев, произошло разделение готов на две ветви: западную и восточную, на вестготов и остготов (согласно легенде, днепровская стремнина вдруг снесла наведенную переправу – поэтому они и разъединились. Но это по легенде – в действительности такие процессы могли растянуться на года).

В Причерноморье готы нашли общий язык с сарматами – кочевыми индоевропейскими племенами. Во всяком случае, свидетельств крупных столкновений нет. У них германцы заимствовали много полезного. По европейским меркам, готы считались неплохими всадниками, но рядом с сарматами они выглядели неумелыми учениками. Однако учились они прилежно, и вскоре освоили шпоры и седла (античность не знала их до самых последних своих веков). Без этой экипировки старинный наездник чувствовал себя отчасти акробатом, вынужденным постоянно думать о сохранении равновесия. Теперь же можно было позаимствовать и тяжелые сарматские доспехи – прототип рыцарских лат. Из оружия – мощный дальнобойный лук (предмет гордости всех степняков), длинный меч – благодаря ему сарматы восторжествовали над скифами.

Быстро освоились готы и с водной черноморской стихией: очевидно, были с ней на «ты» еще в скандинавскую эпоху своей истории. На небольших парусных судах стали разбойничать сначала по ближнему побережью, потом по всему Черному морю. Нашли себе верных соратников по этому промыслу среди некоторых славянских племен: у тех уже был опыт, и места знакомые.

* * *

И настало время всерьез беспокоить Римскую империю. Позади Босфор, Мраморное море, Дарданеллы – и вот уже море Эгейское. Эллада, острова Великой Греции, богатейшие малоазитские города...

При императоре Валериане (правил в 253–260 гг.) готы на большом протяжении разгромили побережье Малой Азии – в то время как их пешие сородичи сообща с бургундами разоряли Фракию. При Галлиене (правил в 253–268 гг.) добрались до Афин, Спарты, Коринфа. При захвате Эфеса спалили прекрасный храм Артемиды, одно из семи чудес света. В него уже

пускал красного петуха за шесть веков до этого небезызвестный выродок Герострат – но греки отстроили святилище в прежней красе. И вот новых принесло богомольцев...

Возможно, именно во время этих походов готы первыми из германцев приняли христианство. С сутью новой веры их познакомили пленные греки, и они приобщались к ней, но не в ортодоксальной (православной, или католической – тогда это было одно и то же) форме, а в арианской.

Арианство позднее было признано ересью – по его догматам, Иисус Христос родился простым человеком, и лишь позже на Него за праведность сошла благодать Божья. Но при их уровне посвященности – готам, вчерашним язычникам, где было рассуждать о тайне богочеловеческой природы Спасителя, нераздельной и неслиянной? Что услышали, тому и поверили, а кто учил – с того и спрос.

* * *

Еще раньше готы в союзе с другими германскими племенами и сарматами – аланами все ожесточенней стали вторгаться со стороны нижнего Дуная в Дакию и на Балканы. Были и другие инициаторы вторжений – кто угодно мог отправиться в набег и за компанию, и сам по себе. Жителям и защитникам тех областей империи некогда было разбираться в таких деталях. В их глазах складывалась одна огненная картина страшного нашествия.

В 240 г. имперские войска были разгромлены под Филиппополем (ныне Пловдив в Болгарии), варвары захватили Фессалонику (греческие Салоники).

Потом новый акт трагедии. Немолодой уже император Деций (правил 249–251 гг.) собрал все наличные силы, чтобы дать отпор нашествию. Он детально продумал широкий план действий, начал уже его осуществлять: перекрыл готам пути отхода в степь. Но те обрушились на римскую армию внезапно, и Деций стал первым императором, погибшим в бою с варварами – в сражении при Абритте.

В самом его начале был убит его сын – стрела поразила юношу в глаз. Это было дурное предзнаменование, но полководец, преодолевая свои чувства, успокаивал воинов: это всего лишь его личное горе, не стоит обращать внимания. Но битва была проиграна, император Деций погиб – вероятно, утонул в болоте.

* * *

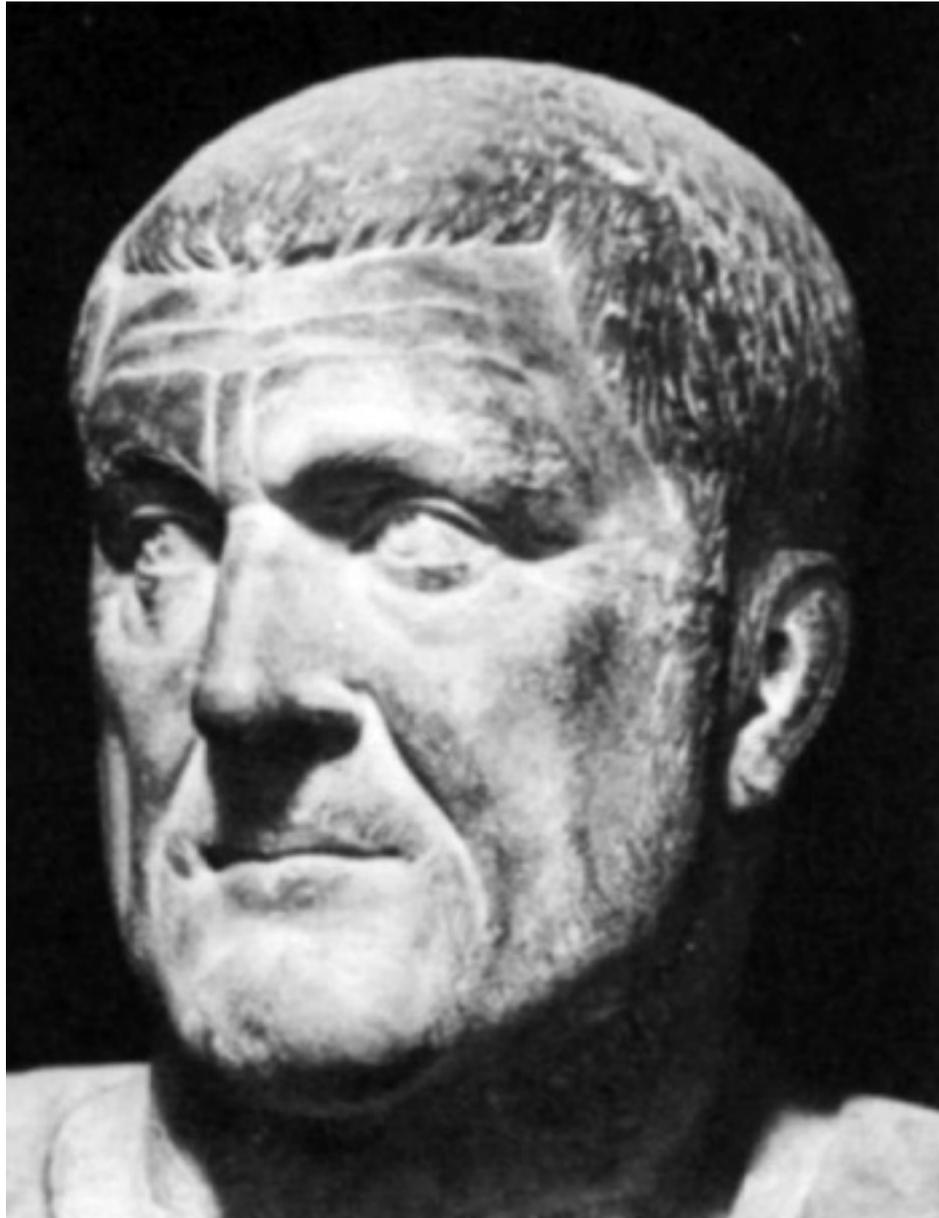
На севере империи – новое нападение алеманнов и франков. Жестоко разорена Галлия, потом Испания. Алеманны вторглись и в Италию, но император Галиен разбил их при Медиолане (Милане) в 258 г.

Дальнейшее не будем разбирать подробно. Так продолжалось непрерывно, из года в год, на всех фронтах. Были оставлены дунайские провинции, даже Галлия долгое время оставалась в полной изоляции: там местная власть и военные командиры образовали «Галльскую империю», просуществовавшую 15 лет (259–274 гг.).

В осажденном лагере под названием Римская империя творилось что-то сумбурное и страшное – как она выстояла в тот раз, просто непонятно. Легионы, во всеоружии своей несравненной выучки и солдатской спайки, не забывали о своей профессиональной воинской чести и бились во всех областях империи, защищая их. То терпели поражения, то одерживали победы. Но они уже не думали об империи как о каком-то сообществе ее граждан. Им совершенно было наплевать и на сенат, и на кого угодно – они уверились, что теперь они и есть высшая власть. Набранные преимущественно из воинственных приграничных племен и народов – из германцев, дакийцев, армян, малоазиатских исавров, арабов, мавританцев – римской армией они были только по названию.

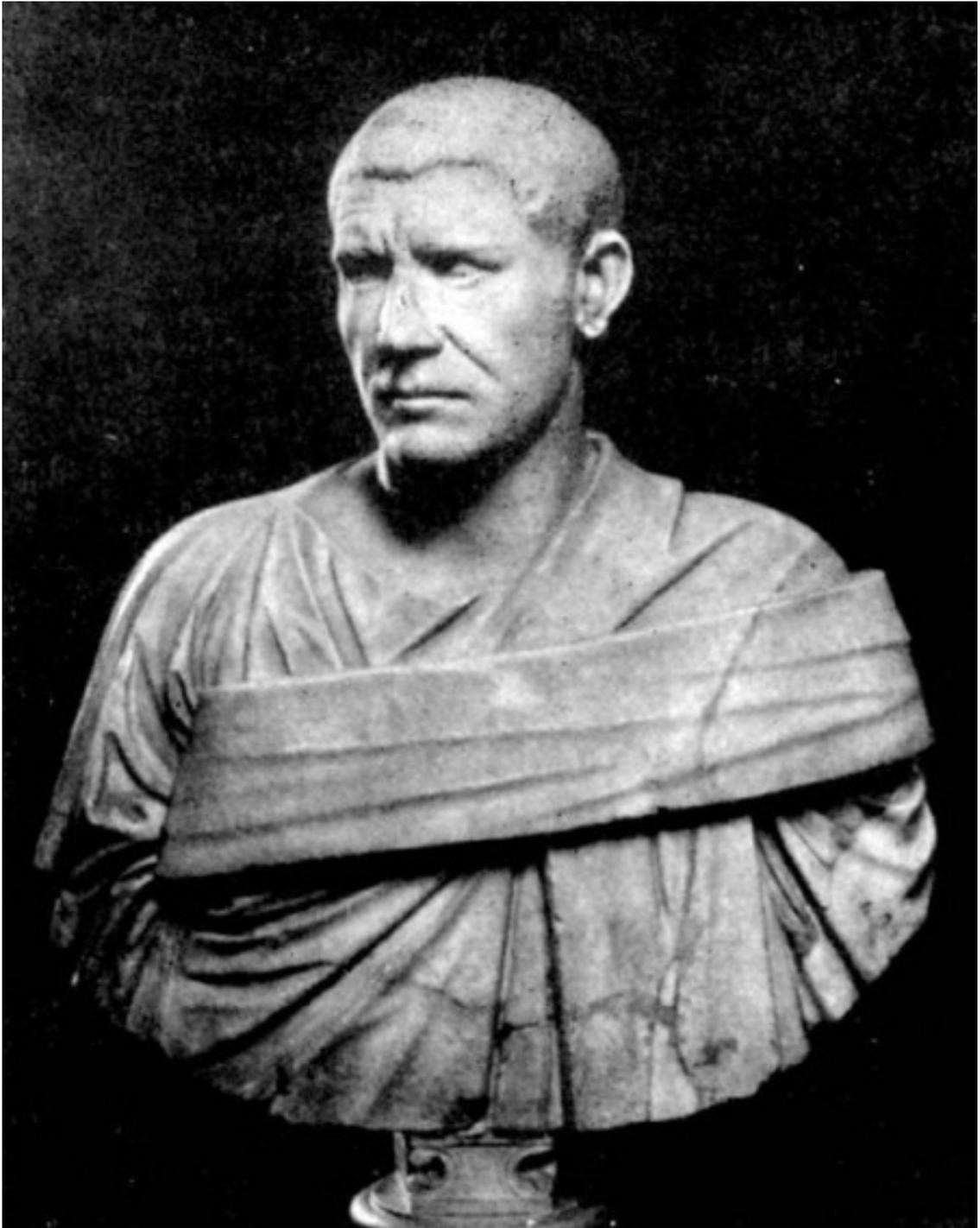
Кого там считают нужным видеть на верху имперской пирамиды столичные заправилы – какое до этого дело. Солдаты сами провозглашали своего полководца или другого подходящего ставленника императором, – а прежнего властителя безжалостно устранили. И если где-то объявлялся конкурент, точно так же поднятый на щит их собратями по оружию – немедленно бросались в междоусобную битву, забыв о своей зоне ответственности на границе. Рядовые бойцы разбитой армии еще имели шанс встать в новый строй под насмешки победителей, ее предводитель – никогда, его ждала неминуемая смерть. Но и для восторжествовавшего повелителя – если вдруг оказывался не люб, если не награждал вовремя своих верных воинов или еще чем не угождал им – дни были сочтены.

Кто только не обряжался тогда в пурпурный плащ императора. В 235 г. государство возглавил Максимин Фракиец. Личность уникальная хотя бы по внешним данным. Рост два сорок, на большом пальце носил как перстень браслет жены. Соответственно – чудовищная сила, вдобавок – неукротимый вспыльчивый нрав. Уроженец фракийской деревни, начинал простым солдатом. Человек смысленный, но не то слово, что малограмотный – он плохо даже понимал по латыни. Ненавидел сенат (который, в конце концов, объявил его вне закона), ненавидел аристократов – безжалостно казнил их или обирал до полушки. Полководцем был неплохим – но какой из него правитель? Деньги на свои нужды, на жалованье легионам добывал ограблением храмов и городов: мог выгрести из городской казны последнее, то, что было припасено на хлеб для несчастных жителей. Убили же его вместе с сыном собственные солдаты, недовольные климатом той местности, где им пришлось вести долгую осаду вставшего на сторону сената города.

Император Максимин Фракиец

Побывал в императорах Филипп Араб (правил в 244–249 гг.), сын арабского шейха. Девятнадцатилетний император Гордиан назначил его командовать войсками, но у коварного араба было свое на уме: он знал, чем привести в возбуждение солдат и куда направить их гнев. Приказал перебросить хлебные припасы подальше от пути следования армии, а внутри ее развел агитацию: мол, чего ждать хорошего, если император – мальчишка. Мальчишка сам по себе был человеком неплохим, и из него мог выйти толк – но его свергли, а водрузившийся на его место Филипп приказал вскоре его убить. Сенату же отправил донесение, что юноша сам неожиданно скончался, и предложил его обожествить.

Император Филипп Араб

Филиппа хватило на 5 лет – по тому времени немало, ведь за 35 лет сменилось 11 императоров, не считая еще большего числа правивших «параллельно». Но опять солдатский бунт, и не стало Филиппа, его сына тоже.

После гибели в бою с готами Деция довелось поправить пару лет и уроженцу Галлии – Требониану Галлу (251–253 гг.). Правил неудачно: военные поражения, а тут еще чума. И этого убили собственные солдаты. По закрепившейся уже традиции мятежей – опять вместе с сыном.

* * *

Все вышеприведенное – случайные фрагменты тогдашней военно-политической жизни. А каково приходилось при всем при этом мирным жителям империи? Страшно подумать. Вот что рассказывают немногие дошедшие до нас свидетельства.

Торговля замерла, лишь на местных рынках шел какой-то товарообмен. Образ жизни людей стал примитивным донельзя. Главной заботой горожан было обеспечение обороны при внезапном нападении. А напасть мог кто угодно, хотя бы проходящий мимо легион – чтобы пополнить походную казну. Мрамор, порфир роскошных дворцов и театров шел на укрепление стен. Водопроводы забросили. Какая уж тут культурная жизнь, люди знали только насущные заботы и страхи сегодняшнего дня. Библиотеки, книги, школы, произведения искусства – все это стало ни к чему.

Галльский город Бурдигала (чудом доживший до того, чтобы стать Бордо) после очередного разгрома кое-как отстроился из собственных развалин и стал меньше в пять раз. А бывало и такое: все уцелевшее население переселялось на арену городского амфитеатра или цирка, возведенного в прежние счастливые времена. Его стены превращались в крепостные, а на арене и на трибунах наскоро возводились какие-то лачуги, в которых и теплилась жизнь.

Большинство полей было заброшено, крестьяне, чтобы как-то спастись от голодной смерти, нищенствовали или сбивались в разбойничьи шайки. Но такие способы добычи спасительными оказывались не для всех, и от голода и болезней мерло народу больше, чем от военных погромов.

Доминат – твердая власть на пепелище

Империя все-таки устояла – ей было отмерено еще два столетия. И не все они были агонией, такой длительной муки никакой народ не выдержит.

Около 270 г. появились признаки некоторой стабилизации. Победоносный полководец Аврелиан (правил в 270–275 гг.) отбил-таки варваров от большей части провинций, вернул лоно империи Галлию и Сирию. «Восстановитель Вселенной» – таким титулом сопровождался его портрет на отчеканенных тогда монетах.

Уроженец придунайской Иллирии, живший во время жестокой борьбы, время всеобщего огрубления нравов – он был чужд условностей и культурной утонченности прежних веков. Он мыслил понятиями громкими и яркими. Звание принцепса (вроде как «первенствующего», президента), – реликт республиканских времен, долгое время служивший синонимом «императора», – ему не годилось. Новый повелитель нарекся «владыкой и богом»: «dominus et deus». Поэтому начавшая складываться при нем система власти получила название домината.

Аврелиан облачался в сияющие бриллиантами и жемчугом одеяния сказочных восточных царей, носил золотую корону в виде солнца с расходящимися лучами. Он и верховным божеством объявил Непобедимое Солнце, почитавшееся до этого только в Сирии (за исключением краткого правления полоумной памяти Элагабала) – теперь огромный храм возводился в Риме.

При нем его не достроили, и неизвестно, довели или нет до конца вообще – восстановитель вселенной опять-таки стал жертвой армейского заговора. Но массивные крепостные стены вокруг Рима, тоже начатые при нем, завершили.

Потом – снова, как бы по инерции, чередка недолговечных императоров: то довольно удачно отбивающих варваров, то гибнущих или от рук собственных на что-то обидевшихся солдат, или в схватке с заждавшимся очередным соискателем.

* * *

И вот, наконец, в 284 г. утверждается сын вольноотпущенника Диоклетиан, иллирийский земляк Аврелиана и продолжатель его дела. Утверждается всерьез и надолго (правил в 284–305, жил в 243–313 или 316: можно сказать, долгожитель той эпохи). Мнение о своей персоне имел не меньшее, чем Аврелиан, – нарек себя «воплощенным богом». Завел, на манер персидского царя, земные поклоны, на тот же манер было и одеяние владыки.

Военный командир до мозга костей, он и всю жизнь империи обустроил по привычным ему понятиям. Теперь смысл существования державы и ее обитателей был прост, как параграф устава: поддержание стратегических дорог и крепостей, снаряжение легионов всем необходимым для войны и быта, продовольствование армии и обеспечение ее фуражом.

Проведенная налоговая реформа тоже была уникальна по своей мудрой простоте. Ее творцы всякими финансовыми прикидками утруждать себя не стали. Был исчислен в натуральном выражении размер пайка, потребного каждому солдату. Сколько хлеба, мяса, соли, вина, оливкового масла и прочего необходимо рядовому воину, чтобы в его здоровом теле был здоровый (в смысле боевой) дух. Для лошадей и прочего войскового скота тоже определили размер довольствия.

С должностными окладами вышестоящих военнослужащих тоже не мудрили. По мере продвижения человека по служебной лестнице росло число отпускаемых ему пайков. Со всей имперской чиновной бюрократией поступили точно так же, только им вместо военной амуниции положены были гражданская одежда, столовое серебро, посуда – все в строго определенном количестве.

Просуммировав, получили расходные статьи этого натурального бюджета. А приход должны были обеспечивать все жители империи, которые не военные и не чиновники. Единицей налогообложения стала «голова» – caput (от этого слова наша капуста). Но не просто голова живого человека, не личность, а то количество акров пашни, виноградников или пастбищ, которое было посильно обработать или производительно использовать некоему абстрактному носителю головы. По всей империи составили кадастр недвижимого имущества, причем не абы как: земли были разбиты на категории согласно их качеству. Так что чем большим количеством земли владел человек, тем он оказывался многоглавее. Кроме того, натуральным налогом обложили рабов и рабочую скотину – но тут уж за голову принимали то, что реально болтается на плечах. Аналогично поступили с горожанами – купцами, ремесленниками, лавочниками.

Чтобы сбор продуктов и изделий шел оперативнее и проще было вести складской учет – прежние провинции разделили на множество административных округов (отчего еще больше расплодилось чиновная братия).

Базовые величины каждые пять лет пересматривались, в связи с чем издавались специальные императорские эдикты, и все подъяремное население великой державы с ужасом ожидало их появления.

* * *

В своем отношении к религии Диоклетиан тоже был верен себе. Она должна быть сцепляющей силой, а потому предпочтительно, чтобы она была традиционной и единообразной. Но некоторое затруднение было в том, что сам император в вопросах духовных разбирался неважно, он только слепо верил всяким предсказателям и гадалкам. Однако такие учения, как манихейство и христианство, однозначно претили ему своим отрицанием старых языческих богов. С манихеями, как выходцами из постоянно враждебной Персии, повелитель разобрался круто: религию запретил, ее проповедников сожгли вместе с их священными книгами. С христианами было сложнее: общины их существовали уже давно, отличались сплоченностью и налаженными взаимосвязями. В склонности к бунту не замечены, в армии служат исправно.

Но повод для репрессий вскоре нашелся, и вызван он был суеверностью императора. В целях обеспечения классового мира в подвластной ему империи он издал «закон о максимуме» – о предельных ценах на основные продукты потребления. И тут-то ему нагадали, что успеху нововведения будут препятствовать крестные знамения, которыми осеняют себя христиане.

Устрашенный и разгневанный Диоклетиан издал три эдикта. Согласно первому, христиане не могли находиться на государственной службе, подлежали разрушению их молитвенные дома, уничтожались книги, рабы-христиане не могли быть отпущены на свободу. По второму эдикту священники подлежали аресту, а по третьему все остальные церковные служители (клирики) под страхом мучительной казни должны были принести жертвы языческим богам.

Начать решили с восточной столицы империи, Никомедии, где обосновался тогда Домитиан. Там торжественно сровняли с землей большое здание христианских собраний. Так случилось, что сразу вслед за этим в императорском дворце случился пожар, а в Сирии вспыхнуло восстание. Суеверному владыке не составило труда установить причинно-следственные связи, и епископ Никомедии был обезглавлен, а многие не покорившиеся указу христиане брошены в огонь. Террор пошел вширь по всей империи.

С тех пор церковь постоянно прославляет память святых мучеников, жертв «диоклетиановых гонений». Но не все оказались твердыми до конца: многие, не выдержав пыток или под страхом мучительной казни, отрекались от веры, совершали требуемое идолослужение (жертвоприношение). Были и такие, что давали взятки чиновникам, а те ложно свидетельствовали

факт свершения обряда. Но непреложно и обратное: в тех сумерках, которые воцарились над подвластной Диоклетиану землей, у людей все чаще возникало стремление обрести истинную жизнь на небе. Множество верующих бесстрашно шло на казнь, и все больше становилось христиан в империи.

Почему Никомедия оказалась восточной столицей империи – разговор особый. Доминат замышлялся как система власти, доселе невиданная. Сохраняя свое несомненное первенство, Диоклетиан выбрал себе в соправители такого же, как и сам, «человека из народа»: крестьянина по рождению Максимиана, довольно успешного полководца. Оба верховных владыки титуловались «августами», себе в помощники и «на смену» назначили правителей рангом пониже – «цезарей». Ими стали Констанций Хлор («Бледнолицый») и Галерий – бывший дакийский пастух.

Империя была разделена на четыре части – опять же, по соображениям в первую очередь военным: чтобы каждую из опасных границ – рейнскую, верхнедунайскую, нижнедунайскую и евфратскую, – опекал один из государей. Одной из столиц и стала Никомедия.

В 305 г. Диоклетиан оставил власть и удалился в свое роскошное имение на берегу Адриатики. Где мирно выращивал цветы и овощи, и где почил своею смертью.

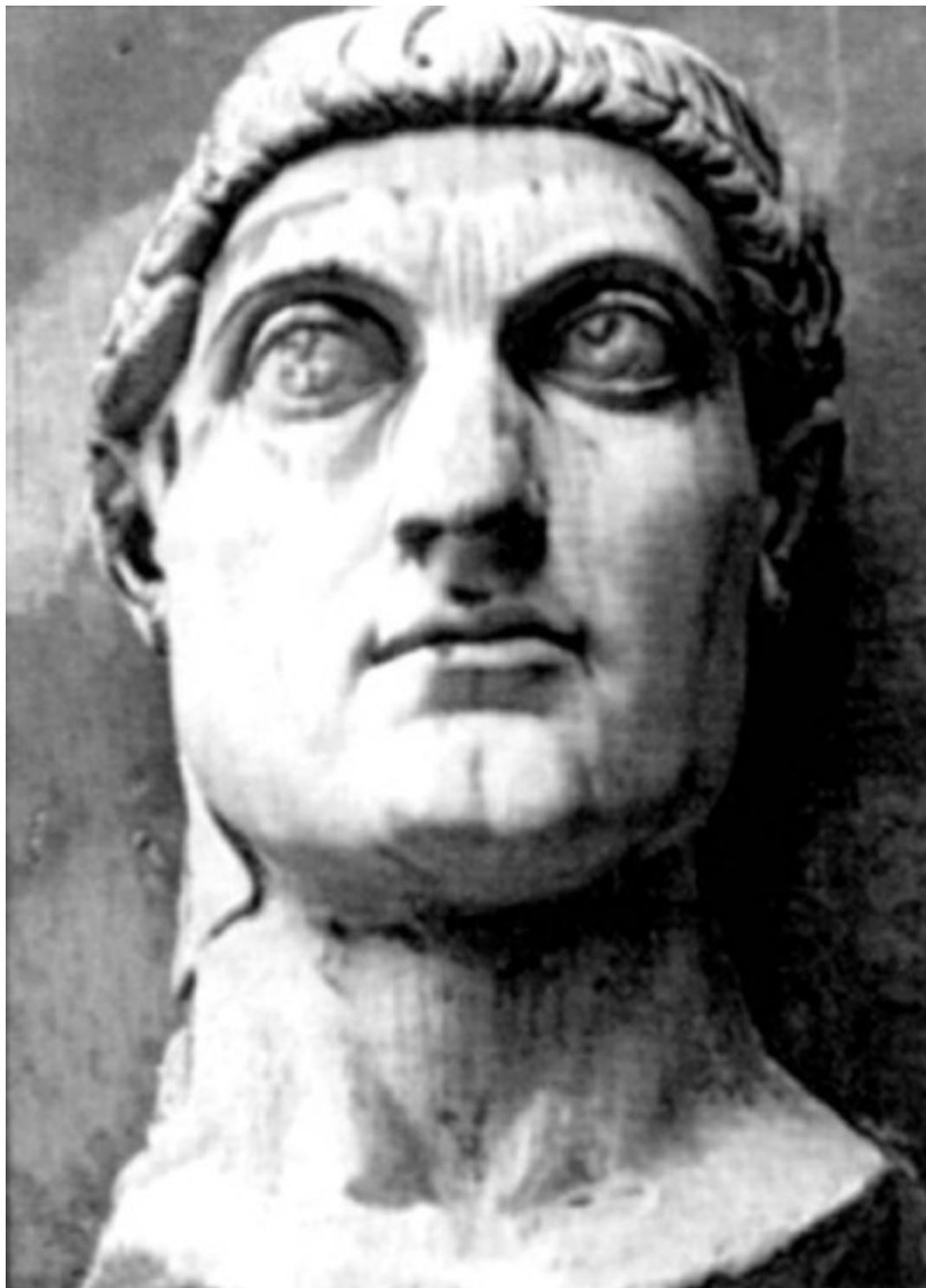
По ранее составленному плану, уйти на заслуженный покой полагалось и Максимиану, а имперские бразды правления должны были перейти к теперь уже августам Констанцию и Галерию. Но поначалу вроде бы так и сделал, Максимиан вскоре передумал следовать примеру старшего товарища. Он снова стал претендовать на верховную власть.

Константин Великий

В 306 г. умирает Констанций Хлор. Его легионы провозглашают новым цезарем сына покойного, двадцатилетнего Константина (285–337 гг., правил в 306–337 гг.). Молодой человек быстро проявил свои полководческие способности, отбросив обратно за Рейн сунувшихся было в Галлию алеманнов и франков.

Константин установил теплые отношения с Максимианом, женился на его дочери Фаусте, а тот произвел его в августы. И тут Константин узнает, что тесть неустанно подбивает против него его же собственных солдат. Дальше больше – поднимает бунт. Верный сын своего времени, свежеепеченный август не раздумывал: отдал соответствующие распоряжения, и его жена осиротела.

В 311 г. умирает Галерий, а напоследок дает Константину добрый совет: предоставить христианам свободу вероисповедания. Что тот и сделал, и чем дальше, тем чаще искал опору в церкви. Однако сам стал христианином только перед самой смертью.

Голова колоссальной статуи Константина Великого.

Что-то определенное сказать о его религиозных взглядах трудно. Скорее всего, бог представлялся ему, как Аврелиану: в ослепительном образе Солнца Непобедимого. Прочитируем Р.Ю. Виппера: «Великан ростом и силач, совершенно необразованный и суеверный, он считал себя избранным орудием, воздвигнутым для того, чтобы истреблять врагов истинного бога и установить на земле его царство. Однажды он велел изобразить себя на стене дворца в виде солнечного богатыря, пронзающего чудовищного дракона тьмы. Солнце Непобедимое сливалось у него с образом Христа, а христианские символы он считал самым верным чудодейственным средством. На своем шлеме он укрепил в качестве амулета, защищающего от ударов, моно-

грамму Христа, в свою диадему вделал железный обруч из найденного в Иерусалиме креста Распятия Спасителя».

Несомненно, огромное влияние на императора оказывала его мать Елена (ок. 255–327 гг.). Христианка, это она отправилась в Иерусалим и чудесным образом обрела там Честной животворящий крест Распятия Спасителя. Да и отец августа Констанций всю жизнь был терпим к христианам.

Но что касается представлений о догматике христианской церкви... Один епископ, строгий ревнитель веры, стал излагать ему воззрение секты ноавитян, к которой принадлежал, о том, что и после принятия крещения тяжкие грехи человеку не может простить даже церковь. Обдумав услышанное, великан посоветовал: «Ну, тогда приставляй лестницу к небу и полезай один. Кроме тебя никому туда соваться незачем».

* * *

В 312 г. Константин двинулся на владения Максенция, сына Максимиана. После жарких битв были захвачены Турин, Верона, Медиолан (Милан) – крупнейший город северной Италии. Наконец, враждебные воинства встретились под стенами Рима.

В ночь перед сражением Константину явился во сне крест и огненная надпись: «Сим победишь». Битва была упорной, но Константин одолел. Максенций утонул в Тибре, свалившись при отступлении с моста. При торжественном вступлении победителя в Вечный город его отрубленную голову несли на копье, а граждане швыряли в нее грязью – привычно почувствовалось сердцем, кто прав, кто виноват.

Одним из своих первых после победы указов Константин освободил всех христианских священнослужителей от податей, более того – назначил им государственное содержание. Жрецы прежних богов, напротив, с довольствия вскоре были сняты. Множество храмов закрывалось, веками копившиеся в них драгоценности и прочее имущество передавались в казну. Сдирались даже золотые украшения с крыш и дверей.

В 313 г. Константин, следуя принципам домината, поделил власть с преемником Галерия – Лицинием. Правда, сразу забрал себе львиную долю провинций империи, а через год еще и ополовинил надел соправителя. Все же десять лет августы жили в мире, назначив, как положено, своих сыновей цезарями.

Но в 324 г. сцепились. Силы были явно неравные, и Константин победил. Своего сдавшегося соперника отправил в ссылку в Фессалонику (Салоники), но потом передумал и велел умертвить.

Вся империя оказалась под его единоличным, ни с кем не разделенным правлением. Столицей своей Константин сделал старинную греческую колонию Византий – совсем неподалеку от диоклетиановой Никомедии, по другую, европейскую сторону Босфора. С тех пор она стала Константинополем, прославленным на весь мир Царьградом. Теперь это, увы, Стамбул (незаживающая рана на всяком православном сердце).

* * *

В своей внутренней политике Константин следовал суровым установлениям Диоклетиана, только еще туже затянул гайки. Все ремесленники, обязанные обеспечивать армию плодами трудов своих: портные, пекари, кожевники, плотники, каменщики, даже моряки, перевозившие грузы на кораблях – были прикреплены к своим профессиональным корпорациям. На практике это означало введение коллективной ответственности – и за полноту поставок, и за поведение отдельных членов корпорации.

Родись в те годы наш славный поэт Владимир Маяковский – он не написал бы свою жизне-нерадостную поэму «Кем быть?». Этот вопрос в империи был снят самым радикальным образом. Дети солдат неизбежно становились солдатами, крестьян – крестьянами, сапожников – сапожниками. Такие вот были гражданские свободы. Даже членство в муниципальных советах стало наследственным. И эти потомственные члены, декурионы, несли строгую ответственность и за полноту сбора налогов, и за исполнение повинностей по поддержанию дорог, за обеспечение передвижения войск и чиновников и за многое чего еще. Такого почетного доверия боялись теперь, как огня.

Впрочем, и этих «выборных от народа» все чаще стали заменять чиновники, следящие за поступлением налогов и вообще за порядком. Фактически был положен конец автономии городов, полисному укладу жизни – столь привычному для греков и римлян, да и успевшему стать родным для многих других народов империи. Укладу, который можно без преувеличения назвать основой античной культуры, всех ее свершений.

В разных частях империи многие не смирились с таким гнетом, в первую очередь люди наиболее бесправные: крестьяне, колонны, ремесленники, рабочие, рабы. Они уходили в леса, сбивались в большие вооруженные отряды и боролись с властями (в Галлии их называли багаудами).

Люди пообразованнее, кому обрыдла такая жизнь во всех ее проявлениях (не только материальных – меланхолия стала тогда болезнью распространенной), шли в монахи: это тоже становилось явлением массовым, а порою эпидемическим.

* * *

Став однажды покровителем христианской церкви, Константин счел, что обязан постоянно следить за ее внутренней жизнью. В 325 г. он созвал Первый Вселенский собор в Никее (неподалеку от Никомедии).

В то время в церкви разгорелась жаркая дискуссия по поводу догмата Святой Троицы. Ариане, – сторонники александрийского пресвитера Ария, – отрицали единосущность Бога Сына Иисуса Христа с Богом Отцом. Они ставили Его ниже – как существо сотворенное, снискавшее благодать уже при жизни, а потому не равное, не тождественное, а лишь подобное Отцу (подобносущее). Им противостояли сторонники александрийского же епископа Афанасия, свято верящие в то, что Бог Сын не сотворен, но рожден прежде всех времен, единосущен (равен по Своему существу) Отцу – «Свет от Света».

Арий, помимо прочего, защищал права пресвитеров, т. е. простых священников – отстаивал порядок ранней христианской церкви, когда все члены клира были равны. Сторонники Афанасия настаивали на безусловном главенстве епископов.

Константин во всем этом мало чего понимал, примирительно советовал «не озадачиваться недоступными людям тайнами». Но богословская дискуссия стала перерастать в кровавые драки на улицах городов – и император счел себя обязанным созвать собор.

На Никейском соборе Константин проникся позицией Афанасия, который в тот момент, когда ни на чьей стороне не было явного преимущества и дело шло к компромиссу, твердо заявил: «Не поступлюсь ни на йоту». Только на эту букву *ι* отличается греческое написание слов «единосущный» и «подобосущный».

Под давлением императора восторжествовала ортодоксальная (православная, католическая – «всемирная») точка зрения Афанасия. Арианство было объявлено ересью, но его приверженцы не согласились с этим. Они отправлялись с проповедью к восточным германцам: готам, вандалам, бургундам, и те, как мы уже видели, первоначально воспринимали христианство именно в арианском его варианте. Арианский епископ Вульфилла, захваченный готами в плен в Малой Азии, перевел для них Библию на готский язык.

* * *

Из преемников Константина наиболее интересен его племянник Юлиан, проживший тридцать два года, а правивший всего два (361–363 гг.). В историю он вошел как Юлиан Отступник. Ему посвящены роман Дмитрия Мережковского, драматическая трилогия Генрика Ибсена (она ближе к историческим реалиям, чем произведение нашего соотечественника).

Юлиан смолоду показал себя талантливым полководцем. Обороняя северные рубежи, вернул империи Колонию Агриппина (Кельн), совершал победоносные походы за Рейн. Популярность его среди солдат была очень велика, и правивший тогда его двоюродный брат Константин решил ослабить чересчур удачливого военачальника – перевести часть его легионов на Восток. В рейнской армии вспыхнул мятеж, Юлиана провозгласили императором, а его братец как-то уж очень скоропостижно скончался.

Воцарившись, Юлиан дал волю своим давним духовным устремлениям. Дело в том, что он был человеком высокообразованным, но, в отличие от своих непосредственных предшественников, не христианином. Его влекла античная культура – ее искусство, ее литература, ее религия. Библии он предпочитал сочинения философов-неоплатоников, в учении которых можно отметить и монотеизм, и актуальное бытие бога в разных, но неотделимых друг от друга ипостасях, и даже существование древних, известных по мифам и статуям богов – но уже скорее как символов Единого. Юлиана можно понять: со страниц Плотина действительно веет чем-то захватывающим, прекрасным и нездешним. Христианство всего этого не принимало – поэтому он его ненавидел.

Вокруг молодого императора сразу сплотились его «братья по разуму», в большинстве своем давнишние его знакомцы – поклонники высокой языческой культуры. Возродить прежнюю религию, вдохнуть в нее новое, более осмысленное содержание – такую они ставили перед собой задачу. Но многим ли в тот огрубевший век были по силам премудрости неоплатонизма, а главное – кто захотел бы в них вникать? Большинство не могло даже оценить классическую красоту старых храмов и статуй: эстетическое восприятие даже образованных людей стало «варваризованным». Достаточно взглянуть на до дрожи пугающую, хоть и мраморную, огромную голову, уцелевшую от статуи Константина Великого. И не слишком ли в душах людей представления о старой вере слились с разочарованием в ней?

Это в полной мере проявилось, когда Юлиан занялся своей религиозной реставрацией на деле. На открытое насилие в стиле Диоклетиана и Галерия он пойти не мог, а потому искал обходные пути. Затруднить проповедь христианства, помешать деятельности христианских школ – вот что представлялось путем к успеху. Вышел указ, по которому каждый, кто желал учить других, должен был заручиться разрешением императора. А тот, ясное дело, не на всякую просьбу давал свое «добро».

Для идеологической атаки Юлиан приглашал знатоков риторского искусства, сам писал проповеди, обличающие христианство и прославляющие олимпийский сонм богов. Выделял большие средства на языческие богослужения и празднества, на содержание храмов, пытался создать сильное жреческое сословие. Успеха не было: охотников слушать проповеди находилось мало, на празднества народ стекался по соображениям, далеким от религии, люди мыслящие жрецами становиться не хотели.

Но Юлиану не суждено было убедиться в полной неосуществимости своей мечты – он отправился воевать с персами и на этой войне погиб.

Те, кто правил вслед за ним, мечтам не предавались: они сделали своей опорой сплоченную, набравшую сил в борьбе с ересями ортодоксальную церковь. Языческие храмы или разрушались, или преобразовывались в христианские. Даже статую богини победы Виктории, символ тысячелетней славы Рима, вынесли из здания сената.

А потом опять распахнулись врата ада.

Гибель империи

Не раз уже, чтобы подобраться к истокам того, что творилось в Галлии, а потом и во всецело вобравшей ее в себя Римской империи, нам приходилось совершать далекие экскурсии как по географической карте, так и по временной шкале. Сейчас придется сделать еще больший крюк и вернуться далеко назад. Ничего не попишешь: человеку не дано знать, где, когда и как громко откликнется, когда аукнется.

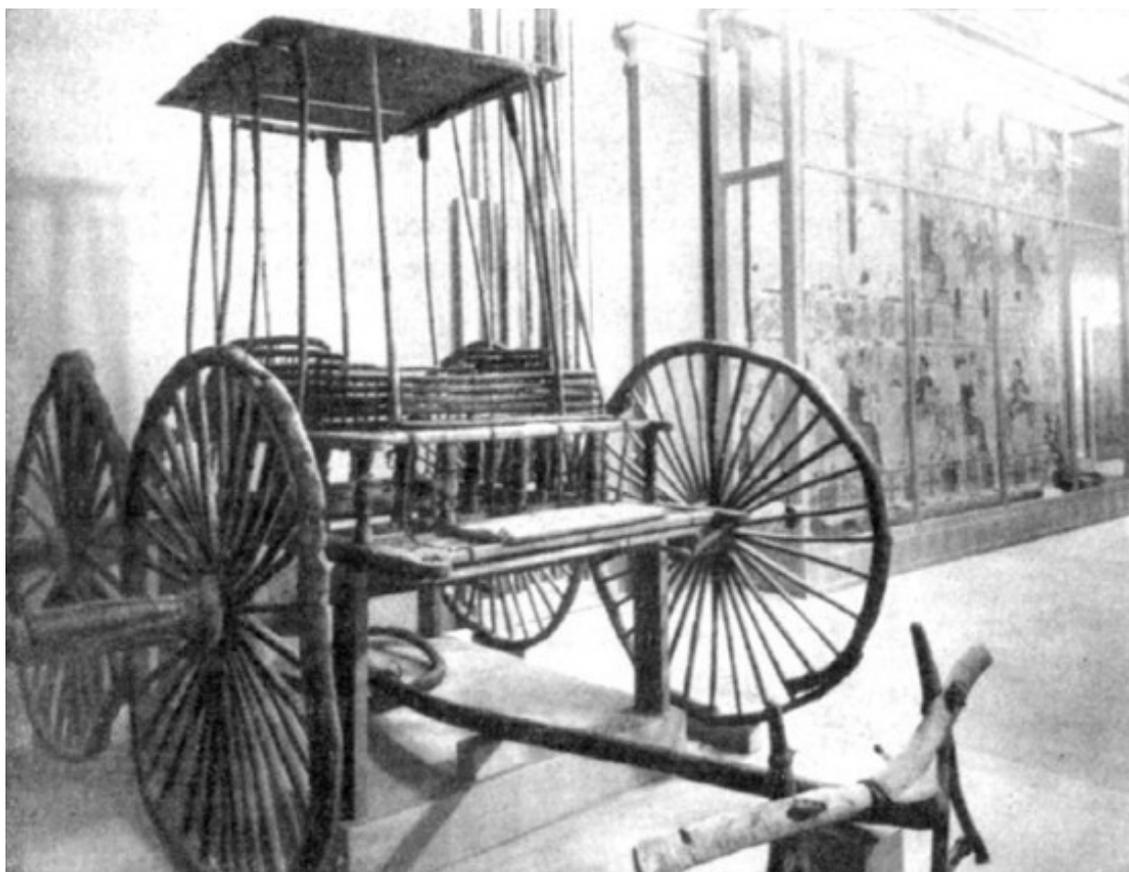
Лишнее тому свидетельство: чрезвычайно судьбоносным для Западной Европы стало то, что еще в конце III в. до н. э. кочевые племена хун-ну, или сюн-ну, а попросту – гуннов стали вламываться в Китай с явно грабительскими намерениями. Крови пролилось много, но китайцы в конце концов их разгромили и отбросили куда подальше. Это если верить одним источникам. Но история – это наука, мягко говоря, неточная. Потому что источники не менее надежные сообщают, что в той войне гунны китайцев одолели, но их вышибли из Поднебесной какие-то другие охотники до чужого добра. Так что кому верить – дело вкуса историка. (А у историков тоже вкусы разносторонние. Кому охота всю жизнь просидеть в доцентах, проповедуя не тобой установленные истины? Не грех и отсебятину из пальца высосать, а уж накопать из глубины веков причин для придуманных тобой следствий – было бы желание, причины найдутся. Так родилось немало смелых и увлекательных гипотез).

Впрочем, неважно, чья это заслуга – факт то, что далеко в Китай гуннам зайти не дали. А тут еще, как утверждает Лев Гумилев, бескрайние евразийские степи и полупустыни поисохли. И гунны двинулись на запад. Но до этого они многое успели позаимствовать из достижений китайской цивилизации. Появился вкус к украшениям, к шелковым нарядам. Это, конечно, баловство. Главное – в Поднебесной было на высоте военное искусство, а гунны не только внимательно приглядывались сквозь раскосый прищур к ранее незнакомому, но еще и довольно милостиво обходились с пленными китайскими полководцами и другими военными специалистами. Те шли к ним на службу – да у них и не было выбора, вернись они на родину, их, согласно обычаю, ждала бы мучительная казнь.

Так что в дальний поход гунны устремились с присущим им боевым задором и во всеоружии новых знаний.

* * *

Это был впечатляющий марш огромной конной орды. Гунны захватывали чужие кочевья, а прежде пасшие там скот племена или погибали, или сторонились, отскакивая на холодный север или пустынный юг (впрочем, за пустынями и горами были Индия и Иран, и некоторые неплохо устроились там). А некоторых орда гнала перед собой, и они сами бесцеремонно расправлялись с теми, кто жил еще дальше от них на закат солнца.

Колесница кочевников

Но не надо слишком сгущать алую краску. Конечно, иногда победители бывали беспощадны – ведь даже в относительно спокойное время кочевники, да и не только кочевники не мыслили мир без элементов «борьбы всех против всех» (это мы уже видели на Западе).

Однако была не только борьба, но и сосуществование – большинство племен и народов давно были знакомы друг с другом (насколько густо нити торговых и культурных связей пронизывали всю Евразию – предмет особого разговора, читайте Георгия Вернадского и Льва Гумилева).

Так что кого-то гунны оставляли на прежних местах, но ясно давали понять, чьи это теперь места и как надо себя вести, чтобы земля эта не стала для них преждевременной могилой. А кого-то брали с собой: тоже, конечно, обозначив приоритеты (но со временем акценты могли измениться).

Ученые давно спорят, кем же были гунны: монголами, тюрками, а, может быть, иранцами? Но причина такого разномыслия скорее всего в том, что в этом потоке кого только не было. Однако преобладающее мнение: те, изначальные хун-ну были монголами, а потом добавились и мощные тюркские напластования, и индоевропейские (иранские). Вот какими увидел гуннов поздний римский историк Аммиан Марцеллин.

«Никто в их стране никогда не вспахивал поля или не дотрагивался до рукояти плуга. У них у всех нет постоянного дома, очага или оседлого типа жизни, и они скитаются с места на место, как беженцы, сопровождаемые фургонами, в которых они живут... На своих конях каждый из этой нации покупает и продает, ест и пьет, и склонившись над узкой шеей животного, предаётся глубокому сну, в котором видит множество снов... Они не нуждаются ни в огне, ни во вкусной пище, а едят корни диких растений и полусырое мясо любых животных, которое кладут между своими бедрами и спинами собственных коней и таким образом немного согревают...

*Борьба зверей (золотая бляха).
Искусство кочевников*

Они воюют на расстоянии метательными снарядами, имеющими заостренную кость вместо металлических наконечников, с чудесным мастерством присоединенную к древку. Они также галопируют по местности и сражаются в боевом столкновении мечами, не задумываясь о своих собственных жизнях. В то время, как враги пытаются уберечься от ранений мечом, они кидают арканы из завязанных узлами полос материи на своих противников и вяжут их».

* * *

Выделим такую подсьему последовательности событий. Гунны навалились на сарматов (не будем вдаваться в подробности, кого они подмяли до них). После обязательных побоищ кого-то включили в свои ряды, кого-то погнали дальше. Сарматы, выраженные иранцы, люди довольно высокоразвитые (мы уже говорили об их более поздней встрече с готами), обрушились на скифов. Скифы тоже не были дикарями, к тому же они изрядно приобщились к греческой культуре. Но в данной ситуации это приобщение не пошло им на пользу: от благ цивилизации они малость изнежились, к тому же у них были короче мечи. Скифы не устояли, но им уже некого было гнать на запад, чтобы вести прежний образ жизни на чужой земле. Поэтому те, что уцелели, по большей части растворились среди других народов (некоторые проникли даже в греческий Пелопоннес), а остальные основали скифское царство в Крыму (которое растворилось позднее).

Таким вот образом около 200 г. н. э. в причерноморских, приазовских степях и в равнинной зоне Северного Кавказа обосновались сарматы. Там к ним и присоединились вскоре готы – которые были народом более оседлым, и поводов для больших конфликтов между ними не возникало. Брать недостающее и те, и другие предпочитали у ближайших славянских племен, а потом – наведываясь в провинции Римской империи.

А что же гунны? Гунны, утвердив свой безусловный авторитет, пока подались немного назад. Причина тому была опять китайского происхождения. Вспомним, что с начала II в. стал

складываться Великий шелковый путь – до сих пор не воспроизведенная магистраль Восток – Запад. Конечно, от этой магистрали шли мощные (в смысле прибыльные) ответвления на юг. И везли по ней далеко не только шелк – но шелк был товаром приоритетнейшим. Л.Н. Гумилев (может быть, вследствие своего евразийски-ироничного отношения к Западу) язвил, что в шелковых сорочках особенно нуждались греческие и римские дамы. Потому что обитатели и обитательницы античного мира безнадежно завшивели, но за шелковые рубахи вши не могли зацепиться лапками, а потому летели вниз, под безжалостные элегантные сандалии.

Монопольным производителем шелка был Китай, и был он таковым много веков. Только в эпоху расцвета Византии тамошние монахи – миссионеры забрались в такую даль и в рукавях своих дорожных посохов тайно вынесли личинки шелкопряда. Но это будет не скоро, а пока гуннские вожди рассудили, что самое прибыльное дело – контролировать возможно больший участок Великого шелкового пути, желательно – поближе к его исходной точке и к поворотам на Индию, Иран и к прочим крупнейшим восточным потребителям.

Поэтому гунны пока не спешили на Запад (не только поэтому: у них были, например, еще конфликты с набиравшими силу тюркскими раннегосударственными образованиями. Только нам такое углубление в чужие проблемы ни к чему).

* * *

Но вот в последней четверти IV в. гунны опять собрались в поход. Первыми подверглись удару аланы (сарматские племена), обосновавшиеся к тому времени в низовьях Волги. Часть их искала спасения на Кавказе (и стала предками нынешних осетин), другие были вынуждены присоединиться к гуннам.

Следующими на пути увеличившейся разноплеменной орды были остготы. После временного прекращения массированных атак на земли Римской империи к концу III в. их владения простирались от Дона до Карпат и нижнего Дуная, а подвластные их знаменитому вождю (королю) Германариху племена, в том числе финские и славянские, обитали от Поволжья до Балтики (об этой «державе Германариха» нам поведал остготский историк VI в. Иордан).

Готы под предводительством старого короля вышли навстречу гуннам. В разгоревшейся битве (370 г.) еще раз было доказано, что пришельцам пока нет равных. Остготы были разбиты, Германарих в отчаянии покончил с собой (так читаем у Аммиана Марцеллина. По Иордану, король был смертельно ранен двумя братьями, его собственными воинами: они мстили за свою сестру, казненную по приказу Германариха).

После поражения часть остготов и другое германское племя, герулы, признали власть гуннов. Другие, вместе с примкнувшими бургундами, стали отступать к низовьям Днепра. Дальнейший путь на запад им преграждали славяне-анты. Германцы во главе с новым королем Винитарием атаковали их.

В первой битве славяне одолели, но в следующей, решающей, были наголову разбиты. Победители в целях устрашения совершили акт зверства: плененный антский вождь Боз (Бус), его сыновья и семьдесят вождей и старейшин были распяты.

Гунны же тем временем ударили по вестготам, обосновавшимся по Днестру. Те были разбиты, стали поспешно отступать – и вот они уже всем племенем, с женами и детьми, со скотом и пожитками на северном берегу Дуная, на границе Римской империи (376 г.).

* * *

Но теперь они не завоеватели, а взывающие к милости беженцы. Их вождь Атанарих умоляет римлян разрешить им переправиться через реку и поселиться во Фракии (на востоке Балканского полуострова). Власти провинции снеслись с императором Валентом.

Валент считался повелителем Востока – его брат император Валентиниан, взойдя на престол в 364 г., передал ему власть над восточными провинциями, оставив себе западные: императорами величались оба брата.

Валент решил внять мольбам – рассудив, что переселенцев можно будет использовать для охраны границы. Началась переправа и расселение, но распоряжающиеся процессом римские чиновники продемонстрировали хорошо нам знакомые профессиональные черты. Во-первых, по условиям договора германцы должны были сдать оружие – распорядители за взятки оставили им его. А во-вторых, они не обеспечили пришельцев обещанным хлебом, и у тех начался страшный голод. Дело дошло до того, что несчастные стали продавать в рабство жен и детей, чтобы спасти их и самим спастись от голодной смерти. Чинуши первыми стали скупать известный своим здоровьем и силой товар.

Но кончилось тем, о чем они за своими вороватыми делами не подумали, но чего следовало ожидать. Выведенные из себя варвары с оружием в руках ворвались во Фракию, разоряя все на своем пути. Сюда же, прослышав о происходящем, подоспели их собратья-остготы, следом присоединились аланы.

Под Адрианополем 9 августа 378 г. произошла решающая битва. Могучая готско-аланская конница прорвала строй легионов (на будущее это стало примером превосходства тяжелой кавалерии над пехотинцами в открытом бою). Пало две трети римского войска. Раненного императора Валента вынесли с поля боя и укрыли в какой-то лачуге. Но враги мимоходом подожгли ее, и повелитель Востока погиб в огне.

* * *

С большим трудом положение выправил новый восточный император Феодосий, человек одаренный (346–395 гг., правил в 379–395 гг.). Он действовал так, как позднее его преемники, хитроумные византийские басилевсы. Дипломатическими маневрами ему удалось разъединить силы противника – аланы ушли на север, в Бессарабию. Феодосий восстановил армию, и она выглядела теперь довольно грозно. Так что оставшихся пришельцев, в основном готов, удалось призвать к порядку.

Им выделили новые земли, и они поселились там в статусе «федератов империи». Вестготы стали теперь жителями Фракии, остготы – Паннонии. Как первоначально и было задумано, заодно они охраняли границы – за что получали некоторое жалованье.

А гуннам тем временем пришлось по душе степи между Днестром и нижней Волгой. На месте они не сидели, постоянно наведывались в Закавказье, а в 395 г. добрались даже до Сирии.

Среди них расположились подвластные племена готов, аланов и прочих народностей. Живущие по соседству славяне тоже признали их власть, и зачастую были не прочь, по примеру своих давних знакомцев аланов, присоединиться к дальнему походу.

* * *

На западе империи не наблюдалось даже относительного затишья. Тамошнего императора Валентиниана II изгнал на какое-то время командующий британскими легионами Магн Максим. Только военное вмешательство Феодосия восстановило права обиженного. Но в конце концов восточный правитель убедился, что его западный коллега человек откровенно слабый, и отписал на себя почти все его провинции, оставив только Галлию. Но и там Валентиниан II правил недолго – был убит по приказанию собственного полководца франка Арбогаста.

Феодосий опять навел порядок (после решающей битвы Арбогаст покончил с собой), и стал править единодержавно. Однако всего через полгода Феодосий скончался. Среди его дея-

ний следует выделить то, что в 391 г. он совсем запретил традиционную римскую языческую религию.

Какую силу обрела тогда христианская церковь и каковы были нравы – можно судить по следующему событию 390 г. В Фессалонике (Греция) командующий гарнизоном германец Ботерих приказал схватить чем-то разозлившего его ипподромного возницу. Греческие болельщики не стерпели такого варварского самоуправства, и Ботерих был растерзан толпой. Но и Феодосий был разгневан самосудом: множество горожан загнали в цирк, где было истреблено 7000 человек (надеюсь, летописец все-таки приврал). С обличением императора выступил и миланский архиепископ Амвросий и несколько епископов. И гордый властный Феодосий вынужден был оправдываться перед иерархами. Доселе в империи такого не бывало.

Впрочем, если не оправдать, то как-то понять можно было и императора: германцев нельзя было раздражать лишней раз. Напор варваров, особенно германских племен, на империю был так велик, что их никак было не сдержать без других германцев – поступивших на службу в римскую армию.

Шла активная варваризация империи – легионы уже почти сплошь набирались из варваров (денег на это пока хватало – за предшествующие века Рим успел содрать три шкуры с половины света), и они же занимали многие командные посты.

В моду все больше входила северная одежда: даже всегда чванившиеся своей исключительностью граждане города Рима все чаще красовались не в традиционных туниках, тогах и плащах, а в пестрых куртках и шароварах.

Император Грациан дошел до того, что окружил себя стражей из аланских стрелков, сам обрядился аланом – и вся компания целые дни проводила на конной охоте.

* * *

Перед смертью Феодосий опять поделил империю. Одному из его малолетних сыновей – Аркадию – достался восток, его брат Гонорий стал императором запада. Сами править они еще не могли, и к Аркадию был приставлен галл Руфин, а к Гонорию – вандал (германец) Стилихон (руководящие кадры из числа коренного населения выродились, по-видимому, почти начисто).

Стилихон был замечательным полководцем. Феодосий доверял ему полностью и даже выдал за него свою приемную дочь – германец был человеком романской культуры. На него же Феодосий возложил командование римскими войсками в обеих частях империи.

Этот раздел 395 г. оказался окончательным: больше части империи не сложились никогда. Западной Римской империи оставалось 80 лет существования (до 476 г.), Восточная, известная нам как Византия (название, придуманное историками Нового времени), смогла продержаться свыше тысячелетия (до 1453 г.).

* * *

Феодосий умер, а дальше – не тишина, а сплошной вой и грохот. Сразу взбеленились поселенные в Македонии «федераты империи» вестготы. Поднятый на щит, т. е. провозглашенный конунгом, удалой Аларих ворвался в Грецию.

Разграблены Афины и Коринф. Стилихон бросился было на помощь, но при дворе Восточной империи его побаивались: помнили, какой вес он имел при Феодосии, и не сомневались, что и сейчас у него много сторонников в Константинополе. Зарождалась знаменитая византийская политика лицемерия и интриг. Стилихона под благовидным предлогом спровадили.

Но и убереглись от нашествия придворные мудрецы по-византийски изящно: вместо отвергнутого Стилихона прибегли к услугам... Алариха. «Приняли на службу», а потом ему и

всей его ораве (воинам, их семьям и близким) пожелали счастья на западе, и те отправились в путь.

* * *

Стратегический замысел Алариха был масштабен: через северную Италию пробиться в Галлию. Стилихон воевал умело, не раз побеждал своих братьев по германской крови. Но и Аларих знал дело – не допустил, чтобы соперник разделался с ним окончательно, хотя к тому не раз шло.

А тут как раз собрались в поход и прочие германские братья. 31 декабря 406 г., – несомненно, по предварительному сговору, – через скованный льдом Рейн хлынули вандалы, свевы, бургунды, а заодно с ними аланы. На поток и разграбление сразу были пущены будущие Майнц, Трир и другие прекрасные прирейнские города. Затем последовал разгром Галлии: там из больших городов уцелела только Тулуза.

Стилихон, задавшись целью не пустить врагов в Италию, эвакуировал легионы из Британии, оттянул остатки войск с рейнской границы. В бой пошли даже нанятые гуннские отряды (времени, чтобы обратиться к ним, очевидно, хватило: не будем забывать, что тогда события редко разворачивались так быстро, как это выглядит на бумаге. Это ведь не танки Гудериана устремились от Рейна в обход линии Мажино: кто конно, кто пеше двигались целые племена, и где не было римских каменных дорог – приходилось зачастую продираться по пересеченной местности).

В Италию варвары все-таки прорвались. Но здесь Стилихон добился важного успеха: когда германский вождь Радагайс обложил Флоренцию, он окружил его самого и принудил к сдаче. Большинство пленников было продано в рабство.

Тем не менее ущерб Италии был нанесен немалый. А тут дождался момента, чтобы напомнить о себе, Аларих: пользуясь тем, что ситуация для римлян круто изменилась, он потребовал с них за свой уход 4000 фунтов золота.

Дальнейшее – лишнее свидетельство того, что империя была обречена. Понимая безвыходность ситуации, Стилихон вступил в переговоры и стал уговаривать сенат обложить чрезвычайным налогом для уплаты выкупа крупные состояния. Поначалу многие отцы-сенаторы вроде бы и согласились с ним, но не тут-то было: посыпались обвинения, что истинные его намерения – присвоить собранные сокровища, а там и захватить в союзе с сородичами верховную власть. Налог был отменен. Настроили на подозрительный лад ничтожного и подлового императора Гонория, и талантливый политик и воин был казнен.

Вдобавок начались погромы проживавших в Риме германцев. Те, спасаясь, устремились к Алариху – и 30 тысяч мужчин, которые могли бы пополнить римское войско, присоединились к завоевателям. А от таких, со свежей памятью об обиде, пощады не жди: ни в бою, ни после.

Говорят, что скупой платит дважды. В экстремальных ситуациях пропорция еще более удручающая. Узнав, что Рим остался без славнейшего своего защитника, Аларих двинулся к городу.

Ему навстречу вышел известный своей святостью отшельник и стал взывать к христианским чувствам конунга (мы помним, что готы уже давно были христианами). Аларих внимательно его выслушал, но потом признался, что в том, что говорит святой старец, много справедливого, но... «Непонятная, сверхъестественная сила заставляет меня идти на Рим». И – вперед!

Что это за сила? Сила ненасытной жадности до чужих сокровищ? Или, к ужасу народов, в ней действительно присутствует еще и мистическая компонента, закрепленная тысячелетиями долгих арийских странствий – когда бесцветно-серые или голубые глаза на вдруг окаменевшем лице устремлялись вдаль, а пальцы судорожно сжимали меч? Развеселая жизнь кипит в гер-

манском раю – Валгалле! Весь день напролет души павших героев, принесенные туда девами-валькириями прямо с поля битвы, рубятся до того неистово, что из некоторых шашлык получается – а к вечеру склеиваются и идут все вместе пировать в большую горницу бога Одина.

* * *

Готы взяли город в кольцо осады. Теперь разговор был другой. Сначала – отдавайте все (!). Все, что можно назвать ценным из имущества и всех рабов. Но волк все же сам засомневался – не обожрется ли? Ладно уж: 5000 фунтов золота, 30 000 фунтов серебра, груз перца, 4000 шелковых рубах и «3000 выкрашенных в красную краску (пурпур?) овчин для лучших моих воинов». Римляне стали сдирать со всех своих храмов золотое убранство.

Потом варварская фантазия опять разыгралась: звание «главного начальника западных армий», ежегодная дань зерном и золотом, провинции для его будущего королевства.

Император Гонорий заблаговременно сбежал в безопасную крепостенную Равенну и оттуда попытался возвысить голос. Аларих пожал плечами – ну, нет так нет. Новая осада – и вот вам еще одно свидетельство человеческого падения! Город с самого начала надо было защищать всеми силами, а не торговаться о выкупе. Готы, как ни бились, не могли взять Рим. Они ворвались в него, только когда измена распахнула им ворота.

И вот тут-то варварский вождь явил христианское благочестие. Какому-то количеству христиан (очевидно, по большей части священникам и монахам) предоставлено было убежище в храмах на Ватиканском холме.

Убежище объявили неприкосновенным, а что касается всего остального... «Горе побежденным!». Кто пытался оказать какое-то сопротивление, расставался с жизнью. «Блаженный Августин еще долго будет потом разрабатывать вопрос, потеряла ли девушка невинность, если ее изнасиловали солдаты, и пришел к выводу, что есть девственность физическая и духовная» (М.В. Алферова). На кого из римлян падало подозрение, что он что-то припрятал, того пытали.

«Вечный город» был взят Аларихом в 410 г. Это казалось настолько невероятным, что многие восприняли произошедшее как предвестие конца света. Святой Иероним, узнавший о несчастье в далеком Вифлееме, делится переживаниями: «Мой голос пресекся, когда я услышал, что покорен город, которому покорялась вся земля. Когда погас самый яркий светоч и голова римской державы отсечена от туловища, когда вместе с Римом погиб весь мир, я поник духом и не вижу нигде уже добра, меня точно пожирает внутреннее пламя».

Блаженный Августин

Августин, однако, оценивал событие иначе. В том духе, что оно подтверждает, что истинный Град – на Небесах, это Град Божий. А все что здесь – суета сует. Рим изначально был построен на крови: один из братьев-основателей, Ромул, убил здесь другого – Рема. Авгу-

стин вспомнил и многое другое, а потому посоветовал не очень горевать. Стяжание Сокровищ Небесных – вот истинный путь христианина.

Как видим, событие послужило поводом для постановки многих коренных богословских вопросов. В самом городе оставшиеся еще приверженцы язычества проклинали христиан за измену старым богам. Те, напротив, утверждали, что обрушившееся на Рим несчастье – Божье возмездие за грехи, главный из которых – то, что город недостаточно очищен от ложных верований.

* * *

Как бы там ни было, Аларих удалился с несметной добычей и огромными толпами пленников. Однако, попользоваться ничем толком не успел, потому что вскоре умер. По легенде, тысячи рабов, надрываясь день и ночь, прорыли новое русло реки и отвели туда ее воды. На оголившемся дне вместе с грудой сокровищ и погребли Алариха. Потом реку вернули на место, а всех рабов умертвили. Не отсюда ли предание о «золоте Рейна», хранимом нибелунгами?

Его преемник Атаульф в 418 г. заключил с Гонорием договор, по которому готам передавалась Аквитания (нынешний юго-запад Франции) с главным городом Толозой (Тулузой). Завоеватели забрали там себе 2/3 всей земли, галлам милостиво оставили треть.

Новый правитель аквитанский по достоинству оценил всю прелесть римской культуры и воспринял ее, как смог – во всяком случае, обрядился подобающим образом, а в жены взял пленную сестру Гонория. Были проявления и более глубокой увлеченности «римской идеей»: Атаульф высказывал намерение восстановить былую мощь римской державы силами своего войска.

Но это все из той области, про которую говорят, что «мечтать не запретишь», а пока надо было обустривать жизнь нового королевства. Хотя это было пока королевство только де-факто, тогда еще и слова-то такого не было (но мы его для удобства будем употреблять). Формально же Атаульф со своими подданными проходил по разряду федератов империи – но это, конечно, всего лишь игра словами, ни на копейку больше.

Знатные германцы «подселялись» к владельцам латифундий, в их усадьбы, давно уже превращенные в крепости, при этом нарекали себя «гостями и сотрапезниками». Гости, исходя из принятой нормы, забирали себе две трети земли или дохода.

Крупные галло-римские землевладельцы от этого разорялись, во всяком случае, беднели – соответственно приходили в упадок города, поскольку богачи большую часть года проводили в своих городских домах и оставляли там значительную часть дохода. Это, впрочем, новых хозяев («гостей-сотрапезников») не огорчало. Из них мало кто был приучен к городской культуре, поэтому они вполне вольготно чувствовали себя в своих подопечных селах, расхаживая там в привычных овчинах. А кто побогаче, так и в пурпурном тулупе. Красота!

Люд подневольный, земледельный, рабы и колонны переменам не противились. Готы и ребята были попроще, и старое имперское ярмо всем здорово обрыдло, со своим множеством повинностей: починкой дорог, дармовым извозом, поставками на армию и прочим. Не говоря уж о том, что не стало прежних чиновников, которые давно и прочно усвоили, где что взять.

Не всегда огорчалась и церковь. Явились новые прихожане, люди, не испорченные всякими там умствованиями, без унылого скепсиса, свойственного закату культуры. Это была благодатная паства, жадно внимающая проповеди, от чистого сердца тянущаяся к истинному свету. Ну, а что при своем появлении кое-что пограбили по церковным ризницам... С кем не бывает, не согрешишь, не покаешься. Вот только если пришельцы оказывались завзятыми уже арианами – возможны были большие осложнения.

* * *

Атаульф со товарищи не были явлением исключительным. Процесс пошел. Англы и саксы начали завоевание Британии. Там они имели дело с кельтами-бриттами, которые хоть и были в значительной степени романизованы, но надеяться им уже было не на кого – римские легионы их бросили. Разве что на славного своего короля Артура и его мага Мерлина – но в историческом масштабе этого сплава отваги и чародейства хватило ненадолго. Скотты и пикты на севере острова смогли дать отпор германцам, но их скалы не оченьто были и нужны.

На северо-востоке Галлии обосновались переправившиеся через Рейн западные германцы франки (первый шаг на пути превращения Галлии во Францию). Галльский юго-восток по Роне приглянулся бургундам: племени восточно-германскому, частому спутнику готов. Миграцию сюда они начали из Причерноморья. Их ждет судьба трагическая и славная, не сладкими для них окажутся воды Роны – но им мы обязаны одним из величайших памятников мировой культуры, о чем позднее.

Вандалы, согласно исторической традиции, менее других, даже из германцев, склонные к сантиментам и эстетическому созерцанию, сначала пробилась в Испанию. Но, немного освоившись там и прислушавшись, что где в мире творится, решили попытать счастья и сыскать местечко получше. Во главе их был конунг Гензерих, человек энергичный, отважный и варвар из варваров: ни сомнения, ни стыда, ни совести (разве что какая-нибудь очень специфическая). Вандалы отправились в дальнейшее экзотическое путешествие, вобрав в свои ряды частицы других германских племен и вообще кого угодно – было бы желание (среди таких – и аланы, а за аланами, по утверждению Г.В. Вернадского, постоянно увязывались славянские отряды). Подучившись морскому делу, вся эта банда переправилась в Африку – римскую провинцию на одноименном континенте. Это там, где теперь Тунис, а столицей провинции был Карфаген.

Африка, край благодатный, была, как и Египет, житницей империи – что твоя Кубань. Интервенты, как полагается, устроили погром средней продолжительности: чтобы подавить всякие очаги сопротивления и обозначить, что к чему, на будущее (во время осады Гиппона скончался блаженный Августин). Так возникло королевство вандалов, просуществовавшее более столетия.

А дальше, неустанно совершенствуя свои мореплавательные навыки, новоселы занялись пиратством в средиземноморском масштабе. Каждую весну были объята страхом жители побережий Испании, Галлии, Италии, Греции, Сицилии. И никто не знал, на кого выпадет черная карта, куда направится из карфагенской гавани расправивший паруса свирепый вандальский флот. Потому что Гензерих выбирал жертву экспромтом, «по наитию». Он сам иронизировал по этому поводу (или неужто же говорил всерьез?): «Удар ждет берега, жители которых больше других провинились перед божеским правосудием». Вандалы были христианами арианского толка.

Тем временем на всеевропейском театре войны назревало потрясение такой силы, что за всю историю человечества по пальцам пересчитать. Явился Атила.

* * *

Наверное, до гуннов наконец дошло, что они остаются в стороне от слишком лакомых дел. Около 420 г. они опять устремились на запад. Сохраняя в то же время за собой все прежние завоевания – это теперь была скорее держава, а не орда (хотя все равно принято называть ордой, и мы тоже не будем себе отказывать в таком удовольствии).

По прибытии обосновались в обширных придунайских степях, в Паннонии (на венгерской равнине). Сначала прощупали немного Восточную империю – тамошние правители, по

имеющемуся уже опыту, сразу прислали богатые подарки и обещали быть не менее щедрыми каждый год.

Западная империя (она состояла теперь из Италии и небольшой части Галлии – ее северо-запада и центра) тоже как-то откупилась. При этом в ставку тогдашнего верховного гуннского хана Роилы был передан в качестве заложника молодой римский офицер знатного происхождения Аэций. Распространенная в древности форма ответственности слабого перед сильным: если бы Рим в чем-то нарушил договор, тем более проявил враждебность – Аэцию могло не поздоровиться (однажды такое чуть не случилось, но обошлось).

Человеком он оказался общительным и располагающим к себе. Пробыв заложником несколько лет, сдружился и с ханом, и со многими его приближенными, и с его сыном Аттилой. Всесторонне одаренный и дальновидный, Аэций, возможно, уже тогда стал продумывать вариант – а не доведется ли ему когда-нибудь, опираясь на гуннскую поддержку, править в Риме, как не так давно правил Стилихон (знать бы, насколько схожими будут их судьбы!).

Наверное, отчасти благодаря его влиянию гунны вели себя по отношению к империи довольно миролюбиво – если что и было, то так, по мелочи.

* * *

Аттила стал верховным ханом в 434 г., когда скончался его отец Роила. Приведем его характеристику, данную Г.В. Вернадским. «Аттила был одним из тех неукротимых завоевателей мира, которые время от времени преуспевали в объединении кочевых племен в могучую империю. Подобно Чингисхану, он был не только военным гением, но также очень одаренным государственным деятелем. Безжалостный на войне, Аттила не был жесток по природе. Его лицо было смуглым, с маленькими, глубоко посаженными глазами, широким носом и жидкой бородой. Его спокойное достоинство и жесткий взгляд впечатлял всех, кто сталкивался с ним, и одно племя за другим признавало его в качестве своего властителя. Тип гуннского преуспеяния был одинаков во многих случаях. Сначала врагу наносилось быстрое военное поражение; затем следовали дипломатические переговоры, связывающие его накрепко с гуннской ордой. Личное влияние великого хана завершало затем задачу слома воли бывшего врага».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.